

МЕТЕОРЪ.

М Е Т Е О Р Ъ .

А Л Ъ М А Н А Х Ъ

Н А **1831** Г О Д Ъ .

И З Д А Н Н Ы Й

Ф Е Д О Р О М Ъ С О Л О В Ь Е В Ы М Ъ .

М О С К В А .

В Ъ Т И П О Г Р А Ф И И Л А З А Р Е В Ы Х Ъ
И Н С Т И Т У Т А В О С Т О Ч Н Ы Х Я З Ы К О В Ъ .

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по оппечатапаніи предспавлены
были въ Ценсурный Комишесъ *три* экзем-
пляра. Москва, 5 Декабря 1830 года.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

М Е Т Е О Р Ъ .

Вечеркомъ наканунѣ Новаго года , когда 25 градусовъ мороза заспавляли всѣхъ завершывашься въ пещлыя шубы ; когда бѣлый снѣгъ скрыпѣлъ подь ногами прохожихъ ; когда ни одно облачко не покрывало свода небснаго , свода темногубаго , и блѣдновашый мѣсяць , величаво плывя по проспранспву неба , освѣщала зимнюю природу , — въ эпо время въ какомъ-то селеніи , въ кошоромъ большая каменная церковь показывала , что живели эпога селенія довольно зашпичные люди , а чисныя опряпныя избы и большіе анбары свидѣтельспвовали о хорошемъ живѣ-бывѣ

добрыхъ поселянъ : въ это время , говорю я , въ этомъ селеніи , по обычаю Русскихъ , происходили разныя спаринныя игрища , на которыхъ красныя дѣвушки проводили время пріятно , весело . Сельскія красавицы пѣли свяпочныя пѣсни , хоронили золошо , *ярый воскъ топили* и за воропы выходили узнавать имя прохожихъ ; эти прохожіе , молодые ребята селенія давно уже поджидали деревенскихъ Нимфъ за воропами , и какъ скоро выбѣгали дѣвушки , и на вопросъ , *какъ зовутъ?* былъ отвѣтъ поцѣлуй , а попомъ ужъ ласковое слово . — Спарики же и спарушки согрѣвали свои спарыя кости на шеплыхъ печкахъ , и съ восхищеніемъ воспоминали о прежнихъ годахъ своихъ , о годахъ молодости , когда и они также веселились , какъ шеперь веселятся дѣти и внуки ихъ .

Уже было десять часовъ съ половиною , какъ все селеніе пришло въ ужасъ отъ спраш-

наго неожиданнаго явленія! . . . Изъ за лѣса ; копорый на нѣсколько верспъ проспирался около жилищъ креспьянскихъ ; — изъ за эшаго лѣса вдругъ поднялося какое шо огненное чудовище съ большею огненною головою и длиннымъ полспымъ хвостомъ! . . . . Эшо огненное чудовище поднималось выше , выше и попомъ полспѣло прямо чрезъ селеніе , о копоромъ говорилъ я . — Всъ , и спарые , и малые , и муцины , и женщины , увидѣвши шакое необыкновенное чудо , испугались , сильно успрашились и не знали , шпо дѣлапъ въ шакомъ случаѣ ? Одни ухвапились за шопоры , другіе взяли вины , и копѣли поразитъ чудовище , копорое лѣпѣло надъ селеніемъ , но очень высоко ; а шѣ , копорые были побоязливе , креспились и шворили молишвы , при видѣ шакого спрашпища , копорое однимъ разомъ могло пожрапъ ихъ всѣхъ , кагъ левъ свою добычу . — Но когда

жители селенія разсуждали объ эпомъ дивномъ явленіи и готовились уничтожить его , какъ нечистую силу ; спрашивающе мало по малу удалялось и наконецъ вдали , рассыпавшись на милліоны искръ блестящихъ , совершенно исчезло! . . . Безъ сомнѣнія каждый изъ чипапелей догадается , что это воздушное явленіе есть — Метеоръ , явившійся опть извѣстныхъ причинъ физическихъ , которыхъ здѣсь повсюду не считаю за нужное и благоприличное.

Въ заключеніе сей статьи да будетъ позволено мнѣ просить всѣхъ и каждого , чтобы эпонтъ Литпературный Метеоръ не былъ принятъ за какое нибудь чудовище , подобно Метеору физическому ;— и издатель ласкаетъ себя надеждою , что его Литпературный Метеоръ не такъ скоро рассыпится , какъ шопъ , которой исчезъ въ глазахъ крестьянъ наканунѣ Нового года ; а желаетъ , чтобы его

Метеоръ , являющійся такъ неожиданно въ атмосферѣ Русской Словесности, разсыпался по рукамъ читающей публики и доставилъ оной не страхъ, не ужась, какъ Метеоръ воздушной, а пріятность, нѣкоторое удовольствіе.— Въ послѣдній разъ прошу читаемыхъ не принимать мой Липпературный Метеоръ за то воздушное явленіе, которое видѣли жители какого-то селенія, и наканунѣ Нового года, пожелавши всѣмъ новаго счастія и новыхъ благъ земныхъ, желаю также успѣха и счастія своему Липпературному Метеору.

ЧУДНОЙ СТАРИКЪ.

(Древнее Русское преданіе.)

Еще Царь Іоаннъ Васильевичъ былъ утѣше-
ніемъ народа Русскаго ; былъ славою и вели-
чіемъ Царства Русскаго , еще добродѣтель-
ная Анаспасія , любимая супруга Іоаннова ,
существовала и украшала собою пресполю
Россіи. Еще Русскіе блаженствовали подъ дер-
жавою шого , кпо въ послѣдствіи времени
получилъ названіе *Грознаго* , и благословля-
ли десницу , распочавшую на нихъ благодѣ-
лїя земныя. Еще Русскіе съ удовольствіемъ
и радостію взирали на свѣтлое лице своей
Царицы , добродѣтельной Анаспасіи и чув-
ствовали на себѣ вліяніе ея свѣтлозарныхъ

добродѣтелей. Еще Россія не испытала всѣхъ бѣдствій и несчастій, постигшихъ ее въ послѣдствіи.

Въ то время въ Москвѣ, рѣка Неглинная, обтекающая и теперь еще Кремль, не была, какъ нынѣ, сокрыта подъ спудомъ холодной земли, и не была заключена въ лѣсные предѣлы искусственныхъ каналовъ. Она протекала по желтому песку, какъ теперь протекаетъ Москва рѣка, и орошала своими холодными струями низменные домики прибрежныхъ жилищей. Черезъ сію рѣку, прошивъ нынѣшнихъ Боровицкихъ воротъ, тянулся небольшой деревянный мостъ, съ рѣзными перилами и украшенный сѣрою береспою, и доставлялъ сообщеніе съ Кремлемъ всѣмъ лѣтамъ, копорые жили въ другихъ частяхъ Москвы бло-каменной: ибо и тогда древняя Столица наша хоть не такъ, какъ теперь, была обширна

и раздѣлялась на разныя частнн , цѣнпромѣ
коихъ былъ Священный Кремль.

На мосту , возвышавшемся надъ Неглин-
ною , всегда снживаль нищій , старикъ , съ
власами на головѣ , побѣлѣвшими опъ вре-
мени , и съ бородою , опражавшею на лицѣ
нищаго около 9 десятковъ лыпѣ. Лице спа-
рика покрыто было браздами дряхлости ,
и согбенная спина говорила , что онъ не да-
леко уже опъ могилы. Поджавши ноги , въ
изорванномъ кафтанѣ и съ изношенной шап-
кою въ рукахъ , старикъ ради Бога умолялъ
всѣхъ прохожихъ о подавннн , о милоспынѣ
бѣдняку , который только и ннпался кро-
хами , упадавшими со стола богача.

Но вопъ что замѣчашельно и чудно ! Кто
ни подавалъ какую ннбудъ малоспѣ сему
нищему , кто ни удѣлялъ ему что ннбудъ
изъ своего достпояннн , — всякой получалъ же-
лаемый успѣхъ въ своихъ предпрнннхъ и

намѣреніяхъ , всякой получалъ исполненіе и счастливое окончаніе въ своихъ дѣлахъ. — Если по былъ Вельможа , кикойнибудь знатный Бояринъ въ собольей шапкѣ и парчевомъ кафпанѣ ; — по онъ скоро пріобрѣталъ себѣ всю милость Царскую и занималъ должность важную. — Если по былъ купецъ копоройнибудь изъ сопенъ , въ лисьей шапкѣ и свѣтлосуконномъ кафпанѣ ; — по онъ скоро начиналъ торговать выгодно и скоро пріобрѣталъ хорошіе барыши въ своихъ спекуляціяхъ и дѣлался богатымъ. — Если по былъ простолодинъ , въ овечьей шапкѣ и въ простомъ , сѣромъ кафпанѣ : по онъ скоро видѣлъ работу свою прибыльною и выгодною , и чувствовалъ облегченіе въ своихъ тяжкихъ трудахъ. Если же подавала милоспыню чудному спарику какаянибудь молоденькая дѣвушка , по она скоро послѣ него выходила замужъ. Если же подавала ему жена какого

нибудь ревнивица , по послѣ имѣла удовольствіе видѣшь , что мужъ ея болѣе не ревнивъ. А если была къ нему милоспива какаянибудь спарая дѣва, (ибо и въ прежнія времена онѣ водились на Руси); по скоро переспавала завидовавъ всѣмъ дѣвушкамъ , выходящимъ замужъ ; переспавала поносишь всѣ браки , и предсказываешь какойнибудь новообвѣнчанной чепъ бѣдспвія въ будущей жизни. Таковъ былъ спарикъ , кошорому всякой , подавшій чтонибудь , одолженъ былъ благодарностию за полученіе ошъ него большихъ благодарѣній , хошя не самимъ спарикомъ па него изливаемыхъ. И за по прозвали проспаго нищаго чуднымъ спарикомъ.

И скоро , скоро спосушая молва разнесла по Москвѣ , разумѣеся съ разными прибавленіями , чудеса , какія производилъ *чудной старикъ* , сидящій всегда на мосту , на рѣчкѣ Неглинной. И скоро , скоро Москвичи узнали,

что такой-то вельможа шеперь въ уваженіи у Царя опъ шого , что подалъ милоспыню нищему , *гудному старику* ; что такой по купецъ разбогатѣлъ опъ шого , что подалъ деньгу *гудному старику* ; что такая-то дѣвушка вышла за мужъ опъ шого , что была милоспыва къ *гудному старику* ; такая по жена свободна опъ ревности своего мужа опъ шого , что подарила когда-то мѣдной грошъ *гудному старику*. И скоро , скоро полпа около *гуднаго старика* спановилась болѣе и болѣе и всѣ спарались чѣмъ нибудь снабдить *гудснаго* , чтобъ послѣ получить спорицею , или успѣшь въ своихъ преднамѣреніяхъ.

Въ одинъ день , когда такимъ образомъ полпа народная болѣе и болѣе увеличивалась около *гуднаго старика* , одинъ юродивый , спарикъ съ босыми ногами , со включенными на головѣ и бородѣ волосами , въ длинной , синей рубашкѣ , опоясанный цѣпью и съ

длинною палкою въ рукахъ , сильно и скоро продирался сквозь народъ , махая палкою , къ *худному старику*. Народъ разступился , увидя юродиваго : сей юродивый , родившійся у Владимірскія Божіей Машери на Ёлоховѣ , бродилъ изъ мѣста въ мѣсто , изъ дома въ домъ , изъ улицы въ улицу и былъ въ Москвѣ покровителемъ бѣдныхъ , упѣшителемъ сирыхъ и вдовиць , другомъ и совѣтникомъ богатыхъ , но только добрыхъ людей. Его всѣ любили и почитали , какъ челоуѣка необыкновеннаго , какъ угодника Божія , и потому онъ былъ извѣстенъ всѣмъ въ Москвѣ , и старому , и малому , подъ именемъ *Блаженнаго*. Блаженный , продравшись сквозь народъ и подступя къ *худному старику* , прижавшемуся къ периламъ моста , сказалъ ему : »долго ли ты , злохитрый сынъ преисподнія , будешь обманывать народъ и ловить его въ свои грѣшныя сѣти ? Иди туда , откуда при-

шелъ , окаянный. И недавши времени опвѣ-
 чать *тудному старику* на свои слова , крѣпко
 и сильно поразилъ его въ голову своею пя-
 желою палкою , шакъ , чшо пищій , пробивши
 собою перила моспа , полетѣлъ въ воды рѣки
 Неглинной. Но *тудный старикъ* не вдругъ из-
 чезъ и успѣлъ еще сказать послѣднїя , до-
 спопамятныя слова , сохраненныя памятью
 сего преданїя. « Не превозносись шакъ высоко,
 Блаженный. Знаю , чшо скоро воздвигнешся
 въ честь шебя великолѣпный храмъ , кошо-
 рый увѣковѣчитъ память швою между Рус-
 скими ; но знай , чшо и въ честь мнѣ , на
 самомъ семъ мѣспѣ , гдѣ я погибаю опть силь-
 ной руки швоей , воздвигнешся шакже памят-
 никъ кошорый будетъ славецъ. » И съ сими
 словами *тудный старикъ* пропалъ въ игривыхъ
 волнахъ Неглинной.

И съ шѣхъ самыхъ горъ не видно спало
туднаго старика ; онъ не являлся болѣе на

обыкновенномъ своемъ мѣстѣ ; на мосту , и не просилъ болѣе ради Бога подаянiя. И недолго жилъ послѣ его Блаженный , и не долго спранспивовалъ юродивый по Москвѣ бѣлокаменной ; онъ умеръ и спалъ жипь , какъ угодникъ Бога ; на лонѣ Его.

Царь Иоаннь со славою и честию ознаменовалъ 1552 годъ , споль достопамятный въ Россiйской Испорiи. Казанское Царство покорено сильнымъ царемъ ; и онъ съ свѣплою радостию и съ полнымъ удовольствиемъ послѣ многотрудныхъ подвиговъ своихъ возвращался въ родную Сполицу свою , древнюю Москву. Чпобѣ оставилъ память своего завоеванiя попомкамъ , Иоаннь повелѣлъ около Флоровскихъ воровъ , чпо нынѣ Спасскiя , заложилъ храмъ , который заложень , выпроенъ и спалъ называешья храмомъ Покрова Богородицы ; но нынѣ болѣе извѣспенъ подѣ име-

немъ *Василія Блаженнаго* и находилъся у Спасскихъ воровъ.

И такъ первое пророчество *гуднаго старика* сбылось.

Александръ Благословенный вспушилъ на пресполю, Александръ, споль добродѣшельнѣйшій и благодѣшельный для своихъ подданныхъ, копорый во время своего мудраго царшвованія учредилъ такъ много разныхъ заведеній, служащихъ для пользы и удовольствія жителей Россіи. Между послѣдними явился въ Москвѣ Кремлевскій садъ, разведенный на помъ мѣспѣ, гдѣ пропекала нѣкогда Неглинная, и слѣдовашельно на помъ мѣспѣ, гдѣ былъ моспѣ, на копоромъ сиживалъ *гудный старикъ*, и съ копораго онъ былъ свержень тяжелою палицею *Василія Блаженнаго*.

Такимъ образомъ и второе пророчество *чуднаго старика* сбылось.

Но кто же былъ сей *чудный старикъ*? Кто онъ и откуда? Вопрь вопросы, которые и самое преданіе, дошедшее до меня, не могло разрѣшитьъ.

Одни говорятъ, что это былъ простой обманщикъ, другіе говорятъ, что это былъ шакой, какіе живутъ въ водѣ и пугаютъ ночью людей, мимо ихъ проходящихъ; иные и, Богъ знаетъ, что говорятъ такое спрашное, ужасное, что волосъ спановипся дыбомъ.

Не зная и самъ, кто былъ сей *чудный спарикъ*, я предлагаю разгадать эту шайну шѣмъ, которые прочтутъ сіе древнее преданіе, достоверное или вымышленное, того не знаю.

ЗОЛОТАЯ ЦѢПОЧКА

И Л И

пять писемъ одного друга къ другому.

П и с ь м о I.

Наконецъ я счастливъ , любезный мой Валерій , я блаженствую въ шѣхъ мѣстахъ , гдѣ прежде сего спрадалъ , мучился ; я блаженствую , — и Москва , въ которой прежде скучалъ , Москва сдѣлалась для меня раемъ ! Она любитъ меня , спрастно , спрастно любитъ моего друга , она открылась мнѣ : и пляжка завѣса спала съ глазъ моихъ , и любовь , одна любовь содѣлалась моимъ кумиромъ , единственною цѣлюю , къ которой спремлюсь я въ сей юдоли земной , въ сей спранѣ

2

плача и опчаянiя. Но это въ сторону: споль мрачныя мысли шеперь не у мѣспа. Я разскажу шепь, какъ узналъ, что владычица моя любипь меня.

Тебъ извѣспно, Валерiй, какою любовiю горѣлъ я къ прелеспной Елисаветъ; шепь извѣспно, сколько перенесъ я гореспей и спраданiй опъ своей чрезмѣрной чувспвишеспльностью и привязанностью къ шой, кошорая для меня всего дороже на свѣпть.

И эти поминушныя вздохи, и эти пламенные взгляды, и эти пылкiе, нѣжныя разговоры, кошорыми я повсюду пресплѣдовалъ ее, наконецъ дали почувспвовать ей, что я люблю, и люблю ее. Она, казалось, начала цѣнишь мои исканiя, но никакого вида, никакого повода не подавала къ шому, что любипь меня, — и это еще болѣе шерзало и шакъ уже разшперзанное сердце шого удалаго Сшудента, кошорый нѣкогда гремѣлъ

своею славою въ Университетъ и служилъ образцомъ во всемъ изящномъ для своихъ соповарищей.

Надобно тебѣ сказать , что отецъ прелестной Елисаветы есть Московскій купецъ , человекъ спариннаго покроя , съ широкою , длинною бородою , суровый , своенравный , который цѣлую вѣчность носилъ одну только синюю сибярку , и не любилъ , чтобъ молодые люди , а особенно подобные намъ , увивались около его блага , каменнаго дома , который , какъ Баспилія , обнесень со всѣхъ сторонъ высокимъ заборомъ : въ этомъ то замкѣ заключено мое счастье , блаженство.

Но ты , конечно , спросишь , какъ же я увидѣлъ ее ? какъ познакомился съ нею ? Очень натурально ! Не безызвѣстно тебѣ , что я хожу въ домъ Веселиныхъ , гдѣ мы вмѣстѣ съ тобою провели столько пріятныхъ , восхитительныхъ вечеровъ въ обществѣ сего ра-

душнаго , гостепріимнаго семейства. Въ эпомъ-то домъ я увидѣлъ , полюбилъ и познакомился съ милою Елисаветою ; попому что она въ пѣсныхъ связяхъ съ дочерью Г. Веселина , и опецъ , не смопря на свою урюомость , безъ пропивоpвъчія всегда , когда только захочетъ Елисавета , опускаетъ ее въ домъ Веселиныхъ. Довольно ли? Слушай же далъе :

Въ ужасной неизвѣстности о своей участи , съ пламенною любовью въ сердце , прихожу я въ одинъ вечеръ къ Веселинымъ. У нихъ была вечеринка, Скрипки гудѣли, и легкія , зефирныя барышни вихремъ лепали по залъ , поддерживаемыя модными кавалерами. Елисавета была тамъ же. При входѣ моемъ въ залу , я замѣнилъ на лицъ Елисаветы какое-то смущеніе , какое-то милое замѣшательство , которое , казалось , произошло отъ того , что я засталъ ее танцующую

съ другимъ мущиною. При началѣ вальса ; она отказалась отъ приглашеній всѣхъ кавалеровъ , и будто бы ожидала только моего: ибо , когда я пригласилъ ее танцовать вальсъ , по она, не говоря ни слова, но съ румянцемъ на щекахъ , вспала и пошла за мною. О радость ! О поржество ! милая , спыдливая Елисавета любитъ меня ; она всѣхъ мужчинъ предпочла мнѣ , она приняла мое приглашеніе , и всѣ слѣдующіе танцы я лепалъ съ нею. Я касался ее ; я обнималъ своими руками ея гибкій станъ ; я вшивалъ въ себя ея дыханіе ; я былъ близокъ , такъ близокъ къ предмету любви моей ; я мѣлъ , я шаялъ . . . . Но танцы прекратились ; — и я принужденъ былъ изъ вѣжливости удалиться отъ сущесства , мною обожаемаго. Долго я ходилъ одинъ по комнатамъ: мечта , любимая мечта моя погрузила меня въ забвеніе , — и я очутился въ опдаленной ком-

нашъ. Но что поразило взоры мои? Что увидѣлъ я? Ахъ! случай, случай, какъ ты милоспивъ ко мнѣ! Я увидѣлъ свою Елисавету, споящую передъ зеркаломъ: она намазывала на пальчикъ свои распустившіеся локоны. . . . она была одна. . . . нагорѣвшая свѣча едва освѣщала предметы. . . я забылся. . . былъ внѣ себя. . . и невольно палъ на колѣна предъ божествомъ, копорымъ я дышалъ, жилъ, существовалъ.» Елисавета, прелестная Елизвета, закричалъ я, узнай роковую пайну, пиягопящую меня, узнай сердце, копорое просипся, рвется къ тебѣ; узнай спраспную, пламенную любовь, копорую я горю къ тебѣ; узнай. . . и руки мои, дрожащія, прясущіяся руки обвились вокругъ колѣнъ прелестной. . . »Ахъ! вскричала наконецъ Елисавета, и хопъла освободиться опъ меня. Но я мгновенно вскочилъ на ноги, и кумиръ любви моеи очутился

въ моихъ объятіяхъ ; поцѣлуи довершили мое блаженство , и роковое слово *люблю* вылетѣло изъ устъ прелѣспнейшихъ , изъ устъ , которыя содѣлали меня счастливиѣйшимъ изъ смертныхъ .

Но долѣе оставаться въ такомъ положеніи было бы опасно , — безразсудно , и потому мы разлучились , поклявшись въ вѣчной любви другъ къ другу , и обѣщавшись , по возможности , видѣться чаще и увѣдомлять другъ друга о чувствованіяхъ любви нѣжной , вѣчной , безпредѣльной . . .

И такъ я счастливъ , любезный Валерій , радуйся со мною , раздѣлай блаженство своего друга . . . Антонія .

П и с ь м о . II.

Я гулялъ съ нею , гулялъ , какъ Сен-прё съ Юлією , и чувства любви изливались изъ

моего сердца въ сердце Елисаветы , и чувства любви вѣчной говорили намъ о блаженствѣ въ будущемъ. О Кремлевскій садъ ! ты еще малѣе , еще привѣтливѣе казался мнѣ тогда , когда Елисавета легкой ножкой своей спутала по своимъ желтымъ дорожкамъ : будь же моимъ другомъ , моимъ покровителемъ , Кремлевскій садъ !

Послушай , Валерій , какъ это случилось ? Въ прошедшую Пятницу вечеромъ семейство Веселиныхъ отправилось въ Кремлевскій садъ , а какъ у Веселиныхъ гостила Елисавета , по и она вмѣстѣ съ ними отправилась. Я случился у нихъ же , и разумеется , не опспалъ , опъ прочихъ. . . весело , ясно закапывалось красное солнышко , когда мы прибыли къ спѣнамъ Кремля знаменитаго. — И скоро блѣдноликая луна , какъ спыдливая дѣвушка , пошла по голубому пространству неизмѣри-

мыхъ небесъ слабый свѣтъ ея освѣщаль кудрявья липки и лице, прелестной Елисаветы. Не знаю, съ намѣреніемъ, или по случаю, но вышло такъ, что мы опспали опъ общей толпы, и Елисавета позади всѣхъ шла со мною подъ руку. Всѣмъ извѣстно, что луна располагаетъ души къ мечтамъ; всѣмъ извѣстно, что луна есть родная сестра любви, есть спутница и вѣрная подруга всѣхъ любовныхъ изъясненій. — Такъ случилось и съ нами. Тихія, нѣжныя слова переливались изъ устъ въ уста; ласки, увѣренія въ вѣчной любви повторялись, и наконецъ рука любовника, рука своего друга, Валерій; надѣвая на бѣлоснѣжную шею Елисаветы *золотую цѣпочку*, несчастная рука... коснулась слегка шеи прелестной... я задрожалъ, обомлѣлъ... Все свершилось!.. *золотая цѣпочка* связала, сковала насъ на вѣки, на вѣки до послѣдняго издыханія самой природы, міра, всего

существующаго! . . . Крѣпко, крѣпко я при-
жалъ къ груди царицу души своей, и слад-
кій поцѣлуй запечатлѣлъ вѣчный союзъ двухъ
сердецъ, пылающихъ спраспною любовію!..
О какъ мила тогда была Елисавета! какъ
пльнипельна ея красота! какъ обворожи-
тельны ея ласки, разговоры! Я видѣлъ въ
ней все прекрасное, превосходное, изящное,
я видѣлъ въ ней идеаль пѣхъ прелестей,
пѣхъ красотъ, какія только можно вообра-
зить, а не описать. Но я виноватъ передъ
тобою, Валерій, я, говоря о прелестяхъ
Елисаветы, забылъ описать пѣбъ ихъ; лю-
бовь къ существу не земному причиною моего
забвенія.

Постараюсь какъ можно лучше списать
пѣбъ порпредить моей любезной; но до слѣду-
ющаго письма: въ немъ ты увидишь по су-
щество, кошорое любитъ другъ пвой Аншо-
вій.

П и с ь м о III.

Въ прошедшемъ письмѣ, я обѣщаль тебѣ любезный Валерій, начертать порицать своей любезной Елисаветы. Вотъ онъ. Вообрази себѣ: прелестное, осмнадцатипятилетнее существо въ полномъ цвѣтѣ распусившейся красоты; Ея легкій, спростой спань — гибокъ, какъ цвѣшущій клень; ея бѣлокурые, свѣтлые волосы — мятки какъ, шелкъ Индійскій: длинная, волнообразная коса лежишь на прекрасной головкѣ въ видѣ гирлянды, переплетенной голубыми лентами; локоны, какъ двѣ кудрявыя березки осѣняютъ ея голубые глазки! О глазки, глазки! какъ вы обольстительны! эти обольстительные глаза сходны, какъ ты писалъ мнѣ, съ глазами твоей Аннушки. Точно они могутъ быть сходны, но никогда не сравняются съ этою живо-

спью , съ эпимъ опаснымъ огнемъ , какой горипть въ глазахъ моей Елисаветы. Одно движеніе этихъ глазъ , одинъ милый поворотъ ихъ приводипть въ сопрясеніе всю мою внупреннюю. Голось , голось самой Венеры , если только говорила она , ничто передъ голосомъ Елисаветы ! — Такъ онъ неженъ , благозвученъ , прогашеленъ , словомъ , каждое слово любезной проникаеть до самой глубины сердца. Ахъ ! когда эти малиновыя губки , вмѣспилище розъ , опкрываюиця , по показываюиця два ряда перломупровыхъ зубовъ ослѣпительной бѣлизны. Одинъ разъ , когда Елизавета госпила у Веселиныхъ , я заспаль ее за пуалетомъ : она была безъ шейнаго плашка , она была въ одномъ легонькомъ , упреннемъ плапццѣ , и тогда-то я увидѣль ее удивиптельную шею и бѣлыя , апласныя плеча , и тогда-то я увидѣль тѣ опасныя возвышенности , на которыя одинъ

взглядъ привелъ меня въ сопряженіе и какое-то самозабвеніе. Я видѣлъ ихъ мѣлькомъ, видѣлъ, но описать тебѣ не могу: это не подлежитъ общей участи пера. — Ты, можешь быть, будешь смѣяться, Валерій, надъ подробностями, съ какими я описываю порплетъ моей возлюбленной? Но какъ хочешь, а я окончу его, эпюпъ чудесный порплетъ. Ножки эпюго необыкновеннаго существа пакъ малы, пакъ легки. . . Ахъ! ножки, ножки! какъ легко обращаешься въ танцахъ! Валерій! я танцовала съ тею; я эпю знаю, я одишь могу судишь и цѣнишь маленькую, стройную ножку Елисаветы! . .

Однимъ словомъ всѣ прелести Нимфъ, Грацій и богинь, какія только существовали въ пылкихъ головахъ Грековъ и Римлянъ, — всѣ эти прелести сосредоточились, слились въ одной особѣ моей несравненной Елисаветы! О Елисавета, Елисавета! и пы меня лю-

бишь , ты мнѣ говоришь это , ты повтораешь это часпо!... Такъ! ты моя , моя на вѣки , и ничпо , ничпо не можеть разлучить меня съ побою , единспвенною моею опрадою въ сей крапковременной жизни.

Прощай , Валерій , и не забывай своего Антонія.

П и с ь м о IV.

О! какъ счастье непоспоянно! какъ оно грубо и безжалоспно играеть людьми , сими жалкими пвореніями. Ахъ! эта непоспоянная , слѣпая женщина , эта фортуна , верпящаяся вѣчно на колесѣ злополучія , смѣется надъ людьми , и убѣгаетъ опъ пѣхъ , которые только чпо приблизились къ ней.

Валерій! меня разлучають съ тою , которую я сущеспвую; меня опдалають опъ

пой, которая есть цель моего пребыванія на землѣ; меня заспаваютъ забышь то, что я никогда не могу и не долженъ забыть—, прелестную Елисавету. Отецъ ея, этошь жестокой челоѣкъ съ желѣзнымъ сердцемъ, хочеть опдать ее за другаго, за купца, который, какъ желѣзный ларець, когда пронуть его, загремишь золопомъ. Это золото, (да будешь прокляшь, кшо первый опкрыль его,) это золото соблазнило корыстолобивую душу отца Елисаветина, и онъ силою, вопротивъ воли опдаешъ ее за скареднаго Аршинина, челоѣка безмозгаго, глупаго, напыщеннаго своимъ богатствомъ и фабриками. Ни просьбы, ни слезы, ни самое признаніе Елисаветы въ любви ко мнѣ, не могли убѣдиль стараго отца ея опсавишь свое намѣреніе, касательно брака съ Аршиннымъ. Онъ еще болѣе раздражился, узнавши, что дочь его любитъ не купца, не

богача , а Спуденша , имѣющаго посредственное состояніе. Онъ не пускаетъ ее болѣе къ Веселинымъ , копорыхъ однако же пригласилъ погоспипъ къ себѣ на время свадьбы, копорая , какъ слышалъ я , скоро совершился къ ужаснѣйшему моему несчастію.

Боже милосердый ! проспи меня , если я навлеку на себя гнѣвъ Твой ! я не пресупникъ , я не злодѣй , но неправосудіе , несправедливость человека , копорый бы былъ такъ близокъ ко мнѣ , если бы хотѣлъ , побуждаетъ меня сдѣлаться пресупникомъ , а , можетъ быть , нѣкогда и злодѣемъ. Отецъ Елисаветы , отецъ жестокій и упорный ! или ты хочешь погубить два вѣрныя сердца ? или ты желаешь , чпобъ рука пресупника повсргла въ крови избраннаго побою ? или ты жаждешь крови ?... Нѣтъ , я жажду крови , нечиспой крови несправедливыхъ , пресупныхъ , копорые безчестяютъ своимъ пребы-

ваніємъ на земль міръ Божій!... Оспановись, берегись содѣлашься злодѣемъ, кровопійцею!.. я слышу гласъ Господа, гласъ, предостерегающій меня!... Такъ, я оспановлюсь, я не буду злодѣемъ, не пролью ни одной капли крови... Я повергаю себя волю Всемогущаго, волю Святой, Святой шого, кошорый хранишь насъ, защищаешь пварей, недоспойныхъ Высочайшаго Его покровительсва, недоспойныхъ... Но я замолчу.... я самъ не доспойнь произносишь священныя имена, означающія Господа... Проспи мнѣ, Всемогущій!

. . . . .
 . . . . .

Убійственная минуша! Валерій! я гибну, гибну, гибну, ахъ! я гибну, какъ презрѣнное существо, какъ послѣдній изъ людей! Убійственная минуша! Гдѣ пы кинжалъ? гдѣ пы пагубное оружіе? гдѣ пы, другъ несчастныхъ, финжалъ кровопійственный? Нѣтъ его! онъ,

не слышишь меня! Минута убійственная! за чѣмъ я дожилъ до тебя? За чѣмъ я не погибъ прежде самаго рожденія своего? И я при послѣднемъ концѣ счастья своего получилъ опъ *нея* записку, роковую записку! Ахъ! лучше бы не писала *она*! Слова ея раздирають изсохшее сердце. Она пишеть! что же она пишеть?..!. *Золотая цѣпочка, которая соединила насъ на вѣки, разлучить меня съ ненавистными мнѣ челоуками и опять соединить насъ. Прощай, твоя всегда и вездѣ Елисавета.* Что значають роковыя слова любезной? Что она предпринимаеть въ минузу, когда жестокосердые нечесливцы влекутъ ее къ алпарю? И я не могу помочь ей! и я живъ еще, живъ и спрадаю. Валерій! помоги мнѣ, помоги своему другу! Но что я говорю, безразсудный? Можетъ ли шопиъ, кто живеть въ опдаленіи опъ меня, помочь мнѣ, можетъ ли другъ!..

другъ!.. ха, ха, ха!.. другъ!.. да есть ли они нынѣ, существующіе ли друзья тогда , когда нѣтъ болѣе опцевъ , братьевъ , сестеръ , когда не велятъ любить , любить чистою , священной любовью... Боже, Боже, къ Тебѣ взываю я , помилуй грѣшника , Боже , Боже ! . . .

П и с ь м о V.

Давно уже я не писалъ къ тебѣ , любезный Валерій. Произшествія , которыя случились послѣ опправленія послѣдняго моего къ тебѣ письма, пакъ поразили меня , что я не могъ собраться съ силами писать споль долгое время. Ахъ , Валерій! можно ли было подумашъ , чшобъ другъ швой, споль прежде веселой , разгульной , удалой, сдѣлался мрач-

нымъ, тихимъ , скучнымъ? Можно ли было подумать, чпобъ Антоній Вайскій, Спудентъ, какикъ немного бываетъ въ Университетахъ, чпобъ Антоній Вайскій , посвящавшій себя нѣкогда военной службѣ , — можно ли было ожидать, чпобъ онъ заключилъ себя въ стѣнахъ мрачнаго, священнаго монастыря , — сдѣлался монахомъ? Но такъ случилось , и я монахъ , я хожу подъ чернымъ клобукомъ, въ черной власяницѣ , и это послѣднее письмо пишу тебѣ изъ кельи , и это послѣднее письмо ты получишь опъ монаха опца Валешпина. Я все тебѣ объясню , все расскажу , какъ спаринному другу , соученику , поварщику. Слушай. *Ея* ужъ нѣтъ! померкло блестящее свѣтило моего земнаго спокойствія и благополучія! *Она* увяла, какъ увядаетъ полевая фиалка , застигнутая раннимъ весеннимъ морозомъ! *она* умерла , моя Елисавета. Такъ! ея уже болѣе нѣтъ! и я одинъ оспался ски-

тапья по волнующемуся морю сей бурной жизни ; я одинъ оспался спрадапъ въ мѣрь семь , спрадапъ я мучипья ! Но скоро, скоро, думаю я , спраданія мои кончались , и я соединюсь въ вѣчности съ пою, съ копорюю не могъ соединипья въ мѣрь временномъ , въ сей гостинницѣ всего рода человѣческаго.

О золотая цѣпочка! лучше, лучше бы было , еслибъ я никогда не дарилъ педья моею незабвенной Елисаветъ ; если бъ она никогда не носила педья на своей лилейной шеѣ , если бы она никогда не клялась не разрывапъ союза любовниковъ, связанныхъ побою ! Ты умерпвила ее ; ты прекрапила драгоценные дни драгоценной половины моего сущестпованія : ты и меня повергла въ пучину золь жипейскихъ и бѣдспвѣй человѣческихъ !

Валерій ! Въ попъ самый день , ахъ ! никогда я не забуду эпопъ ужасный день ! въ попъ самый день , когда хопъли веспи Елисавету

къ алшарю , чпобъ соединипь съ челоуѣкомъ , ужаснымъ для нея , въ попь самый день за часть до вѣнчальнаго обряда , нашли Елисавету въ ея уединенной комнапѣ , и въ какомъ положеніи?..... Ахъ! перо выпадаепь изъ рукъ моихъ! глаза мрачашся и завѣса опускаепся на глаза мои ... но я доскажу. Елисавета , одѣшая въ свое вѣнчальное плапье , убрапная лиліями и розами , съ блѣднымъ , смерпнымъ лицомъ , съ закапавшимся глазами висѣла на *золотой цѣпюгкѣ*..... ея нашли , но она уже не сущеспвовала ; хладъ смерпи разлился по ней ; она кончила свое земное поприще ; душа ея оплелѣла пуда , гдѣ возсѣдипь Верховный , Правосудный Судія , который нѣкогда воздаспъ коемуждо по дѣламъ его. — Она , моя Елисавета обвѣнчалась , но обвѣнчалась съ смерпю , пріавшею ея въ свои объапія .

Валерій! она сдержала свое слово . Она посредствомъ *золотой цѣпюгки* избѣгла нена-

внѣстнаго своего жениха. Эша золотая цѣпочка была па самая , копорую я пѣкогда подариль ей , прогуливаясь съ нею въ Кремлевскомъ саду! *Ее* положили съ нею въ гробѣ , какъ символъ неразрывнаго вѣчнаго союза со смерпью ; и пакъ эша *золотая цѣпочка* опяпъ нѣкогда соединипъ насъ въ помъ мѣрѣ , лучшемъ , радостномъ , нежели земный.

Слезы пекушъ изъ глазъ моихъ ! Валерій ! я не могу болѣе писарь къ тебѣ ! воспоминаніе о незабвенной Елисаветѣ разсправило мои , едва замѣчвшіяся раны ; я вспомнилъ всё ; и снова плачу , снова рыдаю.....

Прощай , Валерій ! прощай , можешъ быпъ , навсегда ! я умѣлъ цѣнипъ свою дружбу ко мнѣ ; я буду молипья за тебя Всевышнему , копорому посвятилъ себя ! Но вспомнай хопя изрѣдка прежняго пвого друга. Прощай ! въ послѣдній разъ прощай !

Отець Валентинъ.

ДИМИТРІЙ,

ГРОЗНЫЯ ОЧИ.

(Историческая повесть изъ XIV столѣтія).

I.

1324 года Марша 27 дня, Димитрій, прозванный *Грозныя очи*, сидѣль въ своемъ высокомъ перемѣ, въ Преспольномъ градѣ Владимірѣ, чшо на рѣкѣ Клязьмѣ. Сынъ Михаила Ярославича сидѣль задумчиво, одинъ одиноконекъ, въ дубовой свѣшлицѣ своей. 25 весну видипъ онъ въ мѣрѣ семь; но никогда не видалъ онъ сполько горя и печалей земныхъ, какъ въ сію весну послѣднюю.— Прежде огорчала его смерть родишеля, замученнаго въ Ордѣ Ханомъ по наущеніямъ жестокаго родспвенника ихъ Георгія Даниловича, Князя Московскаго.— Димитрій живо еще помнитъ 1319

годъ, когда ужаснымъ образомъ кончились дни Святаго родителея его, и мщеніе, ужасное мщеніе кипѣло въ груди его.— Теперь еще болѣе раздражали его поступки дяди его Георгія Даниловича, Князя Московскаго, который отправился въ Орду, и какъ слышно было, домогался шамъ прешола Великокняжескаго. Такіе происки, пакія злыя дѣла Георгія выводили изъ терпѣнія Князя Димитрія, и теперь, Марша 27 дня, когда начинаешся повѣсшь наша, обдумываль онъ, какъ бы уничижитъ замыслы Георгія, какъ бы низвергнупъ его ударомъ рѣшительнымъ, какъ перваго врага своего, какъ злодѣя и убійцу отца его, отца добродѣтельнаго и всѣми любимаго.

II.

Долго, долго Димитрій *Грозный* оти сидѣлъ одинъ, погруженный въ задумчивость, — Опер-

шись рукою на окно косящее, Князь не обращалъ вниманія на окружающее его; онъ былъ глухъ ко всему, что происходило вокругъ него.— Уже былъ впорый часъ по полудни; Владимірцы, по погдашнему обыкновенію Русскихъ, оспавивши всѣ занятія свои, опдыхали послѣ сыпнаго обѣда, и нѣжили члены свои на скамьяхъ дубовыхъ и войлокахъ шерстяныхъ, не пребуя перинь и пуховиковъ.

Вдругъ на улицѣ, подѣ окномъ шерема Княжескаго, раздался голосъ, произносившій: *копеечку, копеечку, копеечку!*... Князь оборотился, взглянулъ въ окно и увидѣлъ спящаго на улицѣ спарика съ сѣдыми всклокоченными на головѣ волосами, съ длинною также сѣдою свалывшеюся бородою; спарикъ былъ въ длинной синей рубашкѣ, касавшейся почти земли; полстая веревка служила ему вмѣсто кушака, и полстая сучковатая палка

верпѣлась въ правой рукѣ его , и не смотря на холодное время года, не смотря на Маршовскіе морозы , когда еще снѣгъ едва началъ шаяль , спарикъ былъ съ босыми ногами , онѣмѣвшими , казалось , отъ холода.— Лишь только Димитрій взглянулъ въ окно , какъ спарикъ снова завопилъ сиповатымъ , глухимъ голосомъ: *копеечку, копеечку, копеечку*. Князь, удивившись спранныму виду спарика, и желая чѣмъ нибудь разсѣять себя , велѣлъ гридиѣ позвать юродиваго къ себѣ.—

Тряся съдой головой и постукивая палкою , юродивой робко вошелъ въ свѣщницу Князя Димитрія , помолился образамъ въ золотыхъ ризахъ , какъ жаръ горящимъ , поклонился ему въ ноги , и сѣлъ препокойно на полу. —

«Что ты за человекъ ? спросилъ его привѣжливо Димитрій.»

— Юродивый засмѣялся и скоро проговорилъ: *добрый, доброй, доброй*.

»Откуда ты? спросилъ его опять Димитрій. . . . .

— Не думая ни минуты, старикъ отвѣчалъ: «изъ темнаго, спрашнаго, грѣшнаго мѣста.»

»А куда идешь ты? спросилъ его Князь, стараясь продолжитъ съ нимъ разговоръ свой.

— Туда, туда, гдѣ Опець нашъ, сказалъ старикъ, показывая пальцомъ на небо, покрытое облаками.

»Гдѣ же ты живешь? спросилъ его еще Князь Димитрій.

— А шамъ, гдѣ Богъ великъ! отвѣчалъ старикъ, потряхивая головою.

Попомъ вспалъ, и подошедши къ Великому Князю, сказалъ ему: Княже! больно сердцу, больно! . . . . любишь, любишь и ненавидишь! а грѣхъ, грѣхъ — по! . . . ты и забылъ его; но Богъ Всемогущій знаетъ всё, всё, и опъ него ничего не скроешь! . . . .

Князь дивился словамъ старика, почти

ничего не понимая изъ того . что говорилъ онъ ; но краска , выступившая на лицъ Димитрія , измѣнила ему .

»Что ты говоришь , старикъ ? сказала онъ , я не понимаю тебя!...

— Поймешь , поймешь , когда ни-будь поймешь ! вскричалъ старикъ , но , продолжалъ онъ , горько , горько опольюся тебѣ любовь и ненависть пволя ! . .

Послѣ сихъ словъ юродивый , пробѣжавъ взадъ и впередъ по свѣплицъ , два раза перевернулся , какъ флюгеръ на шпицъ башни и снова завылъ дикимъ , сиповатымъ голосомъ : *копейку , копейку , копейку* . — Князь вынулъ гривну и подаль ее старику , кошпорый , оптолкнувъ руку Димитрія , сказала : много , много ! самому пригодится ! взялъ одну копейку , помолился опять Святымъ иконамъ , висящимъ въ углу , поклонился низко Князю , и перекувыркнувшись , выбѣжалъ изъ свѣплицы ,

оставивши молодого Димитрія въ большомъ разспройствѣ.

III.

27 Марша къ вечеру сдѣлалась опшпель.— Снѣгъ , превращаясь въ легкія водянистыя струйки , бѣжалъ по стогнамъ Владимірскимъ и упекалъ въ Клязьму , еще одѣтую льдомъ мокровапымъ. — Галки и вороны , почуввши тепло и предчувствуя скорое приближеніе весны , вылетѣли изъ убожицъ своихъ , и многочисленными стадами кружились и кричали въ воздухъ надъ Преспольнымъ градомъ Владиміромъ. — Люди , живели Владимірскіе , пянулись большими кучками по улицамъ и переулкамъ городскимъ , подходили къ воропамъ песовымъ , и опворяя ка-

липки, скрывались за ними. Были сумерки, смеркалось, смеркалось, и наконецъ совсѣмъ смеркось, и наконецъ во Владиміръ все утихло. — Въ это время, кто-то въ темносвѣтѣ кафпанѣ, въ проспой овечьей шапкѣ, прокрадывался однимъ переулкомъ, который выходилъ на рѣку Клязьму, по берегу которой пиянулся рядъ домовъ небольшихъ, бревенчатыхъ, но теплыхъ и покойныхъ.

Незнакомецъ, подошедши къ калипкѣ одного изъ прибрежныхъ домиковъ, при разбрякнулъ тяжелымъ желѣзнымъ кольцомъ, висѣвшимъ у калипки. — Черезъ двѣ, пригнувшись, показался огонекъ на крыльцѣ досчаномъ, загремѣлъ запоръ у ворошѣ кирпичныхъ, отворилась калипка, и старушка въ проспой холщевой пѣлогрѣйкѣ, подбитой заячьимъ мѣхомъ, выглянула на улицу, поглядѣла на обѣ стороны, какъ будто посмащривая, нейдетъ ли ктонибудь, взяла незна-

комца за руку и скрылась съ нимъ за воротами , копорья опяшь были задвинуты деревяннымъ запоромъ.

IV.

Въ небольшой , но чисто убранной свѣщлицѣ , за споломъ песовымъ въ первомъ углу подь образами , предь копорыми теплилась лампадка , на дубовой лавкѣ , копорая спянулась около спѣнь всей свѣщлицы , сидѣль Великій Князь Владимірскій , Димитрій *Грозныйя оги*. — Подль него на той же лавкѣ сидѣла молоденькая дѣвушка , бѣлоликая , румяная , чернобровая , черноокая , спройная , привѣпливая. — На ней былъ камчатный малиновый сарафанъ напереди съ мѣдными въ два ряда пуговицами , блиспавшими отъ груди до самого низа ; бѣлыя , какъ снѣгъ ,

полопняныя рукава покрывали также бѣлыя округлыя руки красавицы; черная, длинная, волнистая коса украшалась широкою голубою лентою, копорая доспавала почти до самаго пола. — Поодаль, около печки въ холщевой пѣлогрѣйкѣ спояла спарушка, оппирившая Князю воропа; за нею на шестпкѣ лежалъ конгъ, съ сѣрбою, апласисною шерстью и сверкающими глазами. — Молодая красавица была дочь умершаго боярина Авксеншя, любимца покойнаго родителея Димитрїева, копорый, съ годъ тому назадъ, увидѣлъ льпую Ольгу въ церкви, увидѣлъ ес и полюбилъ; какъ только полюбилишь можешъ двадцатипятильпнїй юноша; и юная Ольга горячо любила Димитрїя, и съ позволенїя спарушки, маперн Ольгиной, Князь видался съ своей любезною въ ихъ домъ, на берегу рѣки Клязьмы. — О любви Князя никпо еще не зналъ, и даже самыя приближенныя его;

но Ольга считалась уже невестою Димитрія, который опкладывал свой бракъ съ нею, потому что онъ еще несовершенно утвердился на престолѣ Великокняжескомъ. Дядя Димитрія, Московскій Князь Георгій Даниловичъ, своимъ проницанствомъ въ Ордѣ пугалъ Димитрія и претяпсывалъ ему основать свое счастье, вступивши въ бракъ съ прекрасною Ольгою.

»Такъ ты ѣдешь?... сказала печальная Ольга Князю Димитрію.

— Да! произнесъ опривиспо сынъ Святаго Михаила. —

»И можешь быть, я тебя больше не увижу?.. начала опять дочь боярина Авксентія, едва удерживая слезы. — Ахъ! оспанься, оспанься лучше, Димитрій, съ нами; во Владимірѣ безопаснѣе, чѣмъ у Хана, въ его гибельной Ордѣ.... Слезы помѣшали продолжать Ольгѣ.

— Долгъ чести и личная моя безопасность заставляють меня ѣхать такъ далеко ; въ противномъ случаѣ берега Волги никогда бы не видали Великаго Князя Димитрія , сказалъ Князь , и *грозная* *огни* его еще болѣе заблистали , еще грознѣе сдѣлались.

»По крайшей мѣрѣ проводи съ нами Свѣпное Христово Воскресенье ; побудь съ нами въ эпоху праздникъ торжественный , сказала Ольга Димитрію.

Время неперпипъ , красавица , прервалъ ее Князь Владимірскій. — Георгій бодрствуетъ , и чрезъ эпа легко можетъ исхочапайствовать у Хапа Узбека грамату на великое Кляженіе ; Георгій золь и хипръ ; онъ на все рѣшилса , чпобъ свергнуць меня съ преспюла Великокняжескаго , и пошому если я не поѣду въ Орду , онъ можетъ оклеветать меня предъ Ханомъ , и — Димитрій тогда пропасть. . . . Я ѣду чрезъ

два дня , и передъ опъездомъ пришелъ къ вамъ въ послѣдній разъ , чпобъ проспишься съ вами.... Не плачь , Ольга , Богъ милосивъ , все соспоишь въ его Свяшой волю ; на Него одного будемъ надвѣяться и просить Его , чпобъ все кончилось благополучно!!...

Дмитрій сказалъ , и горячій поцѣлуй напечатлѣлся на розовыхъ устахъ Ольги прекрасной , которая плакала , горько плакала , расставаясь съ милымъ другомъ своимъ , можетъ бышь , надолго , можетъ бышь , навсегда , навѣки . Великій Князь опять надѣлъ свой темносѣрый кафшанъ и овечью шапку , (которая онъ надѣвалъ для пого , чпобъ не узнали его) поцѣловалъ еще Ольгу и мать ея , помолился иконамъ Свяшымъ и съ спѣсненнымъ сердцемъ вышелъ изъ свѣшлицы , сопровождаемый рыданіями дочери и благословеніями матери , которая проводила его за ворота , и еще разъ благословила его на путь далекій .

30-го Марта , въ 7 часу утра солнце не блиспало надъ градомъ Владиміромъ ; небо было покрышо облаками , изъ копорыхъ какая по мѣлкая изморозь низпадала на землю, еще покрывшую во многихъ мѣстахъ неспаявшимъ мокрымъ снѣгомъ. — Жипели Владиміра , нѣкопорые шянулись къ дневнымъ заняшямъ своимъ , другіе съ благоговѣніемъ опсправлялись въ церкви Божіи : ибо Русскіе испари были набожны , и еще болѣе во время великаго поста , когда Вѣра призываетъ къ исполненію обязанностей Христіанскихъ. Зауновьно звучали колокола на колокольняхъ Владимірскихъ , сзывая православныхъ къ заупрень.. Но въ 10 часовъ передъ обѣдомъ шѣ же колокола зазвонили и громко , и звонко : знакъ опѣзда въ Орду Великаго Князя Владимір-

скаго Димитрія Михайловича. — Всѣ знали , что Князь Димитрій поѣхалъ въ Орду; но никто не вѣдалъ за чѣмъ и надолго ли?.. Начались суды, да пересуды ; всякой подавалъ свое мнѣніе; всякой заключалъ по своему объ незапомъ опъездѣ Великаго Князя Владимірскаго. — Одни говорили , что онъ отпра- вился по вызову Хана Узбека; другіе мѣкали, что внутренніе мятежи заставили Димитрія опъѣхать въ Орду; прещи судили, что ему не бытъ Великимъ Княземъ Владимірскимъ ; но истинной причины опъезда Димитріева никто изъ гражданъ Владимірскихъ не зналъ, кромѣ льпообразной Ольги и маперн ея. — Ольга, эша прекрасная пшашечка града Владиміра , съ грустнымъ сердцемъ слѣшала звонъ колоколовъ Владимірскихъ. Эшоптъ звонъ былъ для нея предвѣспникомъ плача и сѣпованія ; былъ предвѣспникомъ разлуки ея съ малымъ другомъ , Княземъ Димитріемъ ,

который уже за Владиміромъ несся къ берегамъ Волги на борзомъ конѣ своемъ , сопровождаемый вѣрною и храброю дружиною своею.

VI.

Въ началѣ Апрѣля 1524 года солнце Владимірское заблнспало свѣплмѣ на небѣ голубомѣ , бирюзовомѣ , чиспомѣ , какѣ сама радость небесная. — Теплопа весенняя согнала съ полей и луговъ снѣгъ , который уже ручьями спекалъ въ сосѣдспвенныя рѣки , освободившія опѣ зимнихъ оковъ своихъ , но еще не совсѣмъ , не совершенно. Приближающійся праздникъ Свѣплаго Христова Воскресенья еще болѣе радовалъ жнпелей Россіи , которые встрѣчаютъ оный споль пышно , споль торжеспвенно. И въ Преспольномъ градѣ Владимірь гоповнялись встрѣппнп Свнпую Недѣлю , какѣ повелѣваетъ долгъ Хрнспіанскій , догма-

пы Вѣры Греко-Россійской. Всѣ радовались; и спарые , и малые , и богатые , и убогіе ожидали съ благоговѣніемъ Свѣпльй праздникъ , и восхищались веселоспями , какими они будупъ наслаждапся въ продолженіи цѣлой недѣли; но не всѣ Владимірцы безъ исключенія одинаково чувспвовали приближеніе праздника.

Прекрасная Ольга , суженая Димипрія , и спарушка , мапъ ея , съ слезами на глазахъ , съ кручиною на сердць ходили къ заупренъ , къ обѣднъ , къ вечернъ. — Ни служба церковная , ни пѣніе Божеспвенное , ни собспвенныя молишвы свои не могли разсѣяпъ груспъ Ольги и упѣшипъ ее въ разлукъ съ милымъ , добрымъ ея Димипріемъ , Великимъ Княземъ Владимірскимъ. — Какъ одинокая горлица , поперявшая своего любезнаго , Ольга уныло смопрѣла на пригоповленія къ празднику , и съ груспью , съ печалію проводила дни свои горькіе.

Но вопль настала Спρασная недѣля, вопль приближился Великій Чепвергъ, день великій, день незабвенный для каждаго истиннаго Христіанина. — Ольга и машь ея, возвратившись изъ храма Господня, начали вездѣ чистить, выметать, чпобъ все было въ порядкѣ къ великому празднику въ ихъ укромномъ домикѣ. — Вдругъ желѣзное кольцо брякнуло у калипки; Ольга вздрогнула, а машь ея пошла посмотрѣшь, кого Богъ послалъ къ нимъ. — Не успѣла она отворить калипки, какъ Семень юродивой вскочилъ на дворъ, крича: Богъ въ помощь, Богъ въ помощь, и скорыми шагами побѣжалъ на крыльцо, и опшпуда въ свѣшлицу, гдѣ горевала одинокая Ольга.

Семень часто ходилъ къ вдовѣ покойнаго боярина Авксентія, и попому неудивительно, чпо Агафія, (пакъ называлась машь Ольги,) безъ страха и безъ боязни приняла его,

привыкши ко всёму спраннымъ спарика Семена , извѣснаго болѣе подъ именемъ *юродиваго*.

Онъ , вошедши въ свѣплицу , по обыкновенію помолился Святымъ иконамъ , споявшимъ въ кивоткѣ въ углу прошивъ двери , попомъ поклонился Ольгѣ , сказавши : горлинка плачеть , горлинка груститъ , и долго , долго , долго еще будетъ груститъ!....

»Откуда , Сенюшка?... спросила его , вошедшая въ это время машь Ольги.

— Опъ Бога , опъ Бога , опъ Бога , опвѣчалъ юродивый , разумья чрезъ шо , что онъ пришелъ изъ церкви.

»Какъ живешь , да можешь , Сенюшка? спросила его опянь Агафія , машь Ольги.

— По добру , по здорову , какъ Онъ велитъ , опвѣчалъ скоро юродивый , показывая на небо и сядясь посреди пола.

«А гдѣ проведешь праздникъ ; Сенюшка?.. унась во Владиміръ , или гдѣ нибудь въ ближнемъ селѣ?.... спросила его опять шарушка.

— Въ домѣ Божіемъ , въ домѣ Божіемъ , опвѣчалъ юродивый и взглянулъ на Ольгу такъ быспро , такъ проникательно , что ша невольно вздрогнула.

«Онъ далеко , далеко , далеко , началъ юродивый , обращаясь къ Ольгѣ , п пы плачешь!.. плачь , плачь.. огонь , сѣкира , любовь , кровь!.. самъ виноватъ , самъ , самъ виноватъ ; говорилъ ему , говорилъ , а онъ не послушался , ну такъ и бышь , такъ и бышь!....

Мать и дочь , не зная , что подуматъ о словахъ юродиваго , посмапривали украдкою другъ на друга , какъ бы опасаясь шѣмъ оскорбить Святаго шарика , какимъ уже они почиали Семена.

»Да , продолжалъ сей послѣдній, ровно чрезъ два года огонь съкира , любовь , кровь!... нѣтъ, нѣтъ, еще скорѣе , и ты будешь памь, и ты будешь съ нимъ, (показывая на Ольгу), будешь плакашь.... Онъ не договорилъ, вспаль и началъ по обыкновенію вершѣться, поступивая своею сучковою палкою обь полъ.

Ольга плакала ; сердце ея и безъ предсказанія юродиваго предчувствовало какое-то горе , бѣдствіе ! Слова же Семена еще болѣе разспроили и безъ того уже разспроенную красавицу ; она плакала , и мапъ спаралась утѣшашъ ее , имѣя сама нужду въ утѣшеніи.— Она обратилась , чпобъ попросишь обь эпомъ юродиваго ; но его уже не было въ свѣплицѣ : ни мапъ , ни дочь не слыхали , какъ онъ вышелъ изъ двери!.... Подобно духу исчезъ юродивый въ глазахъ бѣдспвующихъ , и шѣмъ болѣе напугалъ ихъ.

VII.

Недѣля Свѣтлаго Христова Воскресенія прошла въ весельяхъ и удовольствіяхъ , которыми благопріятствовала хорошая Апрельская погода. — Владимірцы въ праздничныхъ плащяхъ своихъ разхаживали по стогнамъ града Престольнаго , и за спаканами меда янтарнаго и вина пѣнаго проводили время праздничное и бесѣдовали о дѣлахъ Государственныхъ , о дѣлахъ торговыхъ и о домашнихъ. — Сыновья ихъ , молодые щеголи Владимірскіе , на легкихъ челнокахъ разъѣзжали по рѣкѣ Клязьмѣ , и тяжелыми веслами разбивали воду мутную , разлившуюся выше береговъ своихъ. — Недѣля святая прошла, — и всѣ снова занялись дѣлами своими : одни начали ходишь въ лавки свои , другіе начали

посѣщать Приказы, претпи пуспились въ разѣзды по ярмаркамъ и шоргамъ окрестнымъ. — Все снова оживилось, и такъ прошла весна теплопворная!

Настало льпо красное, время упѣхъ и радостей сельскихъ, время работъ и прудовъ деревенскихъ. . . . . Во Владимірѣ пронеслись недобрые слухи, опъ копорыхъ люди смирныя невольпо робѣли, и креспясь, говорили: *не дай Господи!*...

Причиною этаго¹ были пріѣхавшіе гости изъ городовъ Княжесва Черниговскаго, копорые также по слухамъ говорили, что Великій Князь Владимірскій, Димитрій Михайловичъ, пріѣхавши въ Орду, поссорился шамъ съ дядею своимъ, Георгіемъ Даниловичемъ, Княземъ Московскимъ, поклявшись опмснить ему и за смерть оица своего, и

за себя. — Такіє слухи , безъ всякаго сомнѣнія , были страшны , и пошому-то люди добрые и робкіе опасались опть сего худыхъ послѣдствій для себя и для Княжества Владимірскаго. Также , безъ всякаго сомнѣнія , сіи слухи дошли и до пѣхъ , которыя такъ часто и такъ много помышляли о Князѣ Димитрѣвѣ. — Ольга еще болѣе загрустила , еще болѣе повѣсила свою бѣдную голову , и вмѣстѣ съ градомъ Владиміромъ безпокоилась , равно безпокоилась объ участи своего любезнаго , который съ самаго опгвѣзда ни одной грамоткой не извѣстилъ ее о себѣ.

VIII.

7-го Маія 1324 года Князь Владимірскій Димитрій Михайловичъ прибылъ въ Волжскій городъ Сарай, принадлежавшій Орду , и прѣж-

де всего явился къ Епископу , который съ 1261 года былъ посылаемъ шуда изъ Россіи ; потому что въ городъ Сараѣ было всегда множество Князей и купцовъ Россійскихъ , копорымъ дозволено было опъ Хана оп. правляшь Богослуженіе Хрисіанское. Попомъ Князь Димитрій между двухъ огней оп. правился въ спавку Хана Узбека , копорый , сидя на богатыхъ коврахъ , изъ спранъ Персіи ему доставленныхъ , прицалъ гордо , но привыпливо Князя Владимірскаго , представившаго ему дары свои: золото , серебро и разныя шкани заморскія. Тамъ Димитрій встрѣпилъ дядю своего , Князя Георгія , копорой покраснѣлъ опъ досады , увидѣвши такъ неожиданно въ Ордѣ своего племянника ; но скрывши свою злобу , подошелъ къ нему облобызалъ его , какъ родспвенника и пригмашалъ раздѣлитъ съ собою свою изобильную и сышную прапезу.

Димитрій *Грозный* *оги* не ослѣпился наружными ласками своего дяди: онъ слишкомъ хорошо зналъ его, и потому рѣшительно отказался отъ призыва Князя Георгія, говоря въ присущствіи самаго Хана Узбека:» Князь Владимірскій пріѣхалъ сюда не бражничать, не ликовствовать, какъ дѣлають по другіе Князья Русскіе; благо опечества вызвало Димитрія изъ страны опеческой: Димитрій пріѣхалъ защищать Россію отъ проковъ и козней, распавляемыхъ для нея собсвенными сынами ея!»

Князь Георгій хорошо понялъ слова Димитрія: краска гнѣва и досады выступила на лицѣ Московскаго Князя; вьющаяся кольцами борода, казалось, распустилась, какъ бы отъ воды горячей. — Въ ту жь минуту внутренно поклялся онъ опмстить Князю Димитрію, копорый не обращая вниманія на его злобу, опкланялся Хану, и почили въ

одно время съ своимъ дядею вышеть изъ сѣвѣнн Ханской. — По выходѣ, не говоря ни слова, они пошли въ разныя стороны, каждый къ своему жилищу.

IX.

Быспро, быспро лепшли дни, недѣли и мѣсяцы. — Июнь, Июль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь утѣкли въ вычюспь. — 1324 годъ прошель, какъ мгновение ока. — Въ это время, и Димитрій, и Георгій не дремали: они дѣйснвовали какъ два сильные ратоборца. — Одинъ выприваль у Хана свою смѣлостнью, благородствомъ и богатствомъ; другой подѣлался своею хипроснью, ловкостнью и прощпрствомъ. — Оба были въ уваженн у Хана Узбека; но право Димитрія на Великокняжескнй Престоль Россн

доставило ему преимущество надъ Георгіемъ, который еще болѣе возненавидѣлъ Князя Владимірскаго. — Димитрій получилъ отъ Хапа грамашу, утверждающую его на Престолю Владимірскомъ, и, какъ Великій Князь, обходился съ пренебреженіемъ съ Георгіемъ Даниловичемъ и, какъ сынъ покойнаго Михаила Ярославича, — спарался найти случай отмститьъ Георгію за смерть родителя, за смерть поносную, мучительную.

Но съ нѣкотораго времени Князь Димитрій сдѣлался задумчивъ, пасмуренъ, какъ ночь осенняя. — Часто, очень часто прохаживался онъ одинъ одинехонекъ по берегамъ Волги широкой, волны которой погружали его еще въ большую задумчивость. Воспоминанія о прекрасной Ольгѣ гнѣздились въ душѣ его; воспоминанія о ея печали, о ея слезахъ раздирали сердце его Ахъ! онъ давно, давно желалъ бы въ градъ Преспольный, во

Владимірь , въ спорону родную , но онъ былъ связанъ любовью одной Тапарки , копорую обманушь онъ не боялся , но считалъ за безчестіе .

Племянница Узбека , молоденькая , съ маленькими глазками Тапарка , полюбила спрашно Димитрія , и превозмогши спыдъ дѣвическій , однимъ вечеромъ открыла любовь свою Князю Владимірскому , убѣждая его взять ее въ супружество . Ольга представилась воображенію Князя и онъ на опрѣзъ опказался опъ прелесной Тапарки . Тогда воспочная кровь закипѣла въ жилахъ племянницы Узбековой ; презрѣнная она поклялась опмспитъ Димитрію и бросила взоры свои на Георгія Даниловича , какъ на главную пружину , посредствомъ копорой она хотѣла привестъ въ дѣйствіе свой кровавый умыселъ . Дщери Воспока въ гнѣвъ своемъ ужасны , и пошому Князь Димитрій обдумывалъ , какъ

бы безъ всякихъ хлопотъ отдѣлаться отъ Ташарки, и тѣмъ самымъ отвлечь отъ себя гнѣвъ Узбека и его племянницы. — Это-то самое заставляло его опспрочивать опгѣздъ свой и погружаться въ глубокую задумчивость.

Х.

1325 года Юня 29-го дня была ненастная погода. — Черныя, густыя облака носились въ воздухъ; удары грома отдавались вдалекѣ, предвѣщая приближеніе грозы; пыль поднималась сполбомъ отъ сильнаго вѣтра, который, какъ развирѣпѣвшій пирръ, завывалъ между деревьями ближняго лѣса; вороны и грачи многочисленными стадами кружились въ воздухъ и крикомъ своимъ умножали безпорядокъ природы. День склонялся къ вечеру,

Въ это время *Димитрій Грозный Оги*, достигнувший непогодаю на берегахъ Волги, спышилъ достигнуть до своего жилища; но лишь только успъл онъ выйти изъ лѣса, какъ подъѣхалъ Князь Георгій на гнѣдомъ жеребцѣ своемъ.

«Князь Димитрій все думаетъ думу!.. сказалъ онъ, приостанавливая бѣгуна своего.

— Да! опвѣчалъ сурово Димитрій; козни подлыхъ ласкашелей Хана заспавляютъ меня подумашъ, какъ бы скорѣе ухалъ изъ этого вершепа разбойниковъ.

«Какъ? ты смѣешь пакъ дерзко опзываться о своемъ повелшпелъ?... вскричалъ Князь Георгій, слезая съ коня борзаго. —

— Да, и еще въ присушпвїи его недостойнаго ласкашеля, врага опечештва!... вскричалъ Димитрій, и глаза его засверкали, и рука невольно схватилась за рукояшпъ меча оштраго.

«Ты слишкомъ дерзокъ! загремѣвъ Георгій, и спальный мечъ Князя Московскаго блеснулъ, какъ молнія.

— Богъ будетъ судья между нами! произнесъ Димитрій, и также обнажилъ мечъ свой.

При сихъ словахъ ударилъ, громъ, дунуль сильный вѣпръ, и мечи двухъ Князей громко зашумѣли; но не долго продолжалось убійственное сраженіе. — Искусство и мужество Димитрія воспоржествовали надъ гнѣвомъ и досадою Князя Георгія. Мечъ Димитрія не успѣлъ прехъ разъ сверкнушь надъ головою дяди его, какъ сей послѣдній былъ уже раненъ, и раненъ смертельно. — Въ самое сердце направленъ былъ мечъ Димитрія, и онъ вынимая мечъ свой изъ груди Георгія, сказалъ умирающему.

«Такъ Димитрій мспитъ убійца своего родителя!...» Но Князь Московскій уже не слыхалъ его; Князь Московскій уже умеръ, можетъ быть, черезъ чуръ наказанный за

свои дѣянiя , не похвальныя , но не заслуживающiя такого сурогаго возмездiя!....

Убiйство Димитрiя не могло оспаться пайною ; но могло бытъ скрыто опъ чело-вѣчеспва!.. Онъ уже хотѣлъ опойши опъ шъла убiеннаго имъ Князя, какъ крикъ, раздавшiйся въ ближнемъ лѣсу , поразилъ слухъ его, и чрезъ двѣ минуны видипъ онъ женщи-ну , которая , съ распрепанными волосами , бѣжа къ нему изъ лѣсу , и держа въ правой рукѣ кинжалъ , кричала дикимъ и несповымъ голосомъ: мщенiе , мщенiе злодѣю , убiйцѣ Георгiя!... Подбѣжавши спремипельно , она уже хотѣла поразипъ Димитрiя , не успѣвшаго приготоовипъ къ защипъ ; но мечъ неизвѣспнаго рапника опразилъ ударъ раздраженной женщины , и кинжалъ ся завнзжалъ въ воздухъ!.... Димитрiй , видя все, эпо сто-лмъ въ ошолобенiи , и не могъ поняшь

откуда такъ скоро , такъ мгновенно явилась женщина и незнакомый рапникъ .

»Счастливъ ты , Димитрій , закричала женщина , что ходишь съ такими вѣрными и плохотроителями.«

Князь Владимірскій узналъ по голосу племянницу Узбека , и не зная , что отвѣчать , испуганно посмотрѣлъ на рапника , который въ молчаніи стоялъ около него съ мечемъ въ рукѣ , готовый опразднить всякое нападеніе на Князя .

»Счастливъ ты , но не надолго! — закричала раздраженная Тапарка , ударила три раза въ ладони , и вдругъ изъ опушки лѣса выбѣжали семь Тапарскихъ воиновъ съ мечами , съ луками и съ колчанами за плечами .

Не успѣли Князь и неизвѣстный защитникъ его приготовиться къ оборонѣ : ихъ окружили , схватили , повалили и связали веревками , какъ ночныхъ шапшей .

»Предъ глаза Хана представьте ихъ, предъ глаза блистательнаго Узбека ведите злодѣевъ! закричала Татарка воинамъ, и несчастныхъ плѣнниковъ вмѣстѣ съ плѣломъ Георгія повлекли къ ставкѣ Хана Узбека, въ сопровожденіи его племянницы.

XI.

Уже восемь мѣсяцевъ Димитрій *Грозный* *Очи* помылся въ шюрьмѣ мрачной и холодной; восемь мѣсяцевъ слишкомъ пишался онъ однимъ хлѣбомъ и водою; восемь мѣсяцевъ не имѣлъ онъ сообщенія съ людьми, съ ближними своими. — Но это не пягопило бы его!.. Нѣтъ! его мучила мысль, что милая, незабвенная Ольга его была въ Ордѣ, и также спрадала въ заключеніи, какъ раба, какъ невольница Ханская! . . . . Онъ съ какимъ то осперве-

нѣнїемъ помышляеть опомъ , что не можеть
 подати помощи своей возлюбленной , и сердце
 его ныло , и Димитрій поспешенно чашъ ,
 увядаетъ , какъ цвѣтъ сельный! . . . И какъ
 не любить шу , которая изъ любви къ нему
 рѣшилась отправиться въ Орду , чтобъ уви-
 дѣться съ своимъ милымъ другомъ ; какъ не
 любить любовью горячею дѣвицу , которая
 изъ любви къ нему рѣшилась надѣть броню
 и шишакъ , вооружиться мечемъ и защищать
 своего милого отъ враговъ въ минушы опас-
 ности. — Нѣтъ ! такую подругу любить
 должно! . . . .

Должно любить ее , и цѣпи на ногахъ Ди-
 митрія зазвучали ; онъ желаетъ бы разорвать
 ихъ , чтобъ получить свободу для освобожд-
 енія своей несравненной Ольги. Но судьба
 гнала Димитрія ; запоры и цѣпи не позволяли
 ему быть полезнымъ шой , для которой онъ
 рѣшился бы на всѣ крайности.

Вдругъ онь услышалъ спукъ у дверей ; запоры были оподвинуты , двери разпворились , и онь увидѣлъ чепырежь Ташарь , вошедшихъ съ копьями въ рукахъ. — Они , не говоря ни слова , расковали ноги Димипрія , окружили его , и сказали , чпобъ онь шель за ними предспаць предъ очи Хана. Грозный Узбекъ , окруженный своими Ташарскими Князьями и военачальниками , сидѣль важно ; развалившись на богашыхъ коврахъ , дарахъ Шаха Персидскаго. — При входѣ Димипрія , онь улыбнулся , какъ бы радуясь своей добычѣ ; но , удержавши себя въ границахъ приличія , Узбекъ обратился къ Князю Владимірскому и спросилъ его :

»Такъ ли поспупаюшь благородные Князья , какъ ты поспупилъ съ своимъ дядею , Княземъ Московскимъ Георгіемъ?....

— Такъ поспупаюшь Князья со всѣми клеветниками , измѣнниками своего опечества

и злодѣями!... отвѣчалъ гордо Димитрій , и быстро , быстро посмотрѣлъ на Хана.

«Но знаешь ли, Князь Владимірскій, какая участь постигася тебѣ за твоя дурной и законопреступный поступокъ? спросилъ его опять Ханъ Узбекъ.

— Знаю , отвѣчалъ Димитрій. Добродѣтельный судія освободилъ меня отъ тяжелькихъ оковъ , которыми обремененъ , а злой предастъ меня казни , какъ преступника, какъ злодѣя , но я чистъ.....

«И ты еще смѣешь оправдывать себя , прервалъ его Ханъ тогда, какъ все обвиняешь себя.»

— Женщина съ злымъ и развращеннымъ сердцемъ не можетъ быть обвинительницею чловѣка честнаго , и еще Князя Россійскаго! отвѣчалъ Димитрій , и глаза его засверкали, подобно молніи.

«Женщина эта родственница моя , загре-

мѣль Ханъ. — Какъ же ты, дерзкій, смѣешь
ноносишь ее въ глазахъ повелителя своего?.

— Подлое и мерзкое и въ присутствіи
двадцати повелителей назову я подлымъ и
мерзскимъ ! сказалъ смѣло Димитрій.—

»Казнь, казнь жестокая преступнику и не-
покорному? — закричалъ Ханъ, и привспалъ
съ своего мѣста, чшобы дать приказаніе.

Но въ эту минуту въ ставку Ханскую
вбѣжала молодая женщина съ блѣднымъ лицомъ
и распрепанными волосами, въ кофортѣ, къ
прискорбію своему, Димитрій узналъ свою
любезную, несравненную Ольгу, вѣкъ для него
пожертвовавшую. — Сердце Димитрія сжа-
лось ; онъ хотѣлъ броситься къ Ольгѣ, но
запутавшись между копьями окружавшихъ его
воиновъ, онъ упалъ и разпростерся на полу.—
Ольга замѣтивши это, продралась сквозь по-
лу сиражей и приблизилась къ своему любез-

ному, который уже вспаль...; руки и уста ихъ соединились; но по приказанію Хана Узбека, они были разлучены и опшведены въ разныя стороны ставки.

Узбекъ, имѣвши случай, прежде нѣсколько времени видѣть Ольгу, имѣлся ею и воспочное сердце его запылало желаніями законопрошивными; онъ хотѣлъ сдѣлать Ольгу своею невольницею, и попому съ самаго дня убійства Князя Георгія, когда открылся истинный полъ Ольги, Ханъ Ташарскій содержалъ ее между своими невольницами, и домогался ласками и угрозами получить отъ Ольги недозволенное удовольствіе любви; и ласки, а угрозы были бесполезны!... Суженая Князя Димитрія отвергла съ презрѣніемъ предложенія Ханскія, угрожала Узбеку гнѣвомъ Господа Всемогущаго, и оспалась вѣрною своему Князю вѣрному.

Когда разлучили Димитрія и Ольгу, то Ханъ опять обратился къ первому, сказавъ ему:

«Князь Владимірскій! ты можешь еще спасти жизнь свою! . . Пожертвуй полько мнѣ своею невѣстою, прекрасною Ольгою.

— Если бы Князь Владимірскій, отвѣчалъ Димитрій, былъ свободенъ, тогда мечъ его давно бы опсѣкъ дерзскій языкъ Узбека! . . .

Повелитель Орды задрожалъ опъ гнѣва, и задыхающимся голосомъ закричалъ воинамъ, окружающимъ Димитрія: »На казнь его, на казнь нечесливца! но вмѣстѣ съ нимъ пусть погибнешь и подруга, его, недостоинная и гордая Ольга!

Димитрій нѣсколько смутился: твердосць его, какъ будто, нѣсколько исчезла въ то время, когда услышалъ онъ произпительный крикъ своей вѣрной и несчастной невѣсты. — Онъ съ силою рванулся въ ту сторону, гдѣ находи-

лась Ольга: но воины удержали его, и снова, наложивши ему на ноги оковы, повлекли несчастнаго Димитрія, чпобъ исполнить надъ нимъ стргое приказаніе своего строгаго повелителя. Другая часть Ташарскихъ рапниковъ, окружавшихъ Ольгу, поступали почто также съ нею и скованную цѣпами рабства влекли ее на позорную казнь. Дикій хохотъ раздался въ слѣдъ Князя и любовницы его. Димитрій обратился назадъ и увидѣлъ у входа въ ставку Ханскую, ужасную племянницу его, провожавшую несчастную чепу хохотомъ радости и ненависти. — Князь Владимірскій взглянулъ съ презрѣніемъ на Ташарку, попомъ опшврошился, и продолжалъ, повѣсивши голову, пупь свой, посреди Ташаръ, которые въ высокихъ оспроконечныхъ шапкахъ своихъ, съ копьями въ рукахъ, съ стрѣлами въ колчанахъ, висѣвшихъ за плечами, и съ длинными луками, мед-

денно сопровождали сковааннаго. Князя и хладнокровно взирали на несчастное положеніе его. Въ такомъ же порядкѣ вели и другую жертву гнѣва Узбекова, несчастную Ольгу, полуживую, подумерпвую, ее тащили жестокіе Татары, принуждая скорѣе идти къ еполбу позорному. Въ это время Димитрій вспомнилъ слова Семена юродиваго, который еще въ 1324 году предсказывалъ ему несчастіе въ будущемъ, когда, бывши у него, сказалъ: *горько, горько отомлются тебѣ любовь и ненависть твоя!*....

Только теперь хорошо понялъ онъ слова Юродиваго, удержанныя имъ въ памяти; только теперь понялъ онъ, что поступалъ слишкомъ дерзко и смѣло; только теперь понималъ, что гибнетъ, гибнетъ невозвратно, и еще, съ кѣмъ же? съ своею милою Ольгою! Но уже было поздно.....

XII.

Вечеромъ , 10-го Декабря 1326 года , въ Преспольномъ градѣ Владимірѣ . пронеслась горестная вѣсть объ ужасной смерти Великаго Князя Димитрія Михайловича , казненаго въ Ордѣ , по повелѣнію Хана Узбека . Сперва говорили тихо , шептали одинъ другому , и какъ бы не довѣряли молвъ спосупой , кошорая часно бываетъ ложна , несправедлива . Купцы и Бояре были въ раздумьи , и не знали , чему приписать такой гнѣвъ Хана на Димитрія , хопя они и вѣдали уже объ убіеніи Георгія ; но полагали пакъ , что ежели бы не было другихъ причинъ , то вѣрно Ханъ не наказалъ бы такъ жестоко Димитрія за убійство Князя Московскаго , и потому догадки , предположенія были многи .

различны. Одни говорили, что Ханъ казнилъ его за дерзость; другіе мерекали, что онъ наказалъ его по ненависти къ роду Князей Тверскихъ; прешья полковали, что Димитрій казненъ по проискамъ и инпригамъ царедворцевъ Ханскихъ; но никто изъ Владимірцевъ не посмѣгалъ испинной причины казни Димитріевой и до времени это оставалось пайною между знатью и проспымъ народомъ, который предчувствовалъ уже вмѣстѣ съ Боярами и купцами несчастія и ужасы для Царства Русскаго.

Черезъ пять дней послѣ этого, ш. е. 16-го Декабря, когда молва о смерти Димитрія нѣсколько поутихла, въ рядахъ торговыхъ часу въ одиннадцатомъ передъ полуднемъ явился Семень юродивой и песмопрія на прескучій морозъ, онъ былъ одѣтъ по обыкновенію въ своей синей рубашкѣ, подпоясанной толстою веревкою, босый и съ толстою палкою въ

рукахъ , на копорую опирался онъ. Юродивой ходилъ по рядамъ и обращаясь къ купцамъ и людямъ Владимірскимъ , полпившимся на площади передъ лавками , говорилъ имъ своимъ глухимъ и сиповатымъ голосомъ: молишесь, молишесь, молишесь! онъ умеръ, умеръ, какъ Хрисціанинъ. Богъ его прибралъ , прибралъ его Господь , какъ челоуѣка, и злодѣи будутъ опвѣчать за Димитрія. Молишесь , молишесь , молишесь за него , люди Владимірскіе! повпорялъ опять Семень юродивой , ходя шуда и сюда между народомъ , копорый хопя искалъ его , но незналъ шеперь , что хопьль сказать онъ о Димитріи , и пошому всѣ слушали Семена, и не смѣли спросишь его, что онъ хопьль сказать имъ.

Въ это время мать Ольги , несчастная Агаеія , опираясь на палку, шла по площади: Юродивый замѣшилъ ее, и скоро, подбѣжавши къ ней , сказалъ громко : она тамъ вмѣспѣ

съ Княземъ, Богъ и ее не оставилъ съ нами, теперь они спокойны, какъ Ангелы Божіи!.. Не плачь, старушка, не плачь; они спокойны! . . . .

Агаѳія лежала уже на землѣ безъ чувствъ и безъ движенія, сложивши руки на груди; Юродивый, наклонившись надъ нею, споялъ и пихо пворилъ молитвы. Нѣкопорыя изъ Владимірцевъ, бывшихъ на площади, хотѣли помочь старушкѣ, но Семень остановилъ ихъ и сказалъ: не проныше, не проныше!..... она уснула!«... Послѣ чего быспро побѣжалъ по площади, скрылся между народомъ, и съ пѣхѣ порѣ никпо изъ жишелей Владиміра не видалъ и не слыхалъ о Семень юродивомъ, споль извѣспномъ во градъ Владиміръ!

Несчастную мапъ несчастной Ольги схоронили на кладбищѣ, недалеко опъ Владиміра, и когда уже наслѣдникъ Димитрія, брапъ его родный Александръ Михайловичъ,

приѣхалъ во Владиміръ и вельѣ служилъ панихиды по усопшемъ братѣ своемъ; то тогда, тогда только обыватели Владиміръскіе и съ ними всѣ Русскіе узнали истинную причину казни Димитріевой, котораго оплакали они, какъ Князя добраго, подававшаго хорошую надежду сдѣлаться совершенно похожимъ на отца, Михаила Ярославича, которому Димитрій, прозванный *Грозилля оти*, следовалъ во всѣхъ его хорошихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ его благородныхъ подвигахъ, и подобно Святому родителю своему, сдѣлался жертвою гнѣва Ханскаго, и во цвѣтъ лѣтъ вмѣстѣ съ милою своею невѣстою увялъ, какъ цвѣпокъ, застигнутый раннимъ морозомъ, не разлучаясь и за гробомъ съ вѣрною подругою своею, которая всѣмъ пожертвовала для любезнаго, милаго своего Димитрія.

ОКОПАЧКА.

(Астраханское преданіе 47 вѣка).

За пятнадцатъ лѣтъ съ небольшимъ до царствованія Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ правленіе мудраго опца ихъ Алексѣя Михайловича, въ Волжскомъ городѣ Астраханѣ жилъ купецъ сукошной сошни, по имени Егорка Чусвъ. Богатый Егорка два года только назадъ женился на хорошенькой и всѣми любимой Дунькѣ, которая въ осмнадцать лѣтъ изъ дома родителя своего перешла жить въ домъ мужа, не умѣвшаго цѣнить распускающейся красавицы, какою обладала жена его. Торговые расчеты; вычисленіе барышей безпрестанно занимали Чусва, и

потому онъ обходился не весьма ласково съ своею женою , красивою Дунькою , которой не правилось такое холодное обхожденіе съ нею , такое равнодушіе къ ея прелестямъ... гордость ея унизилась... Природа ей говорила , что она уже женщина въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ , и Дунька измѣнила своему мужу ; какъ и когда ? Объ этомъ преданіе ничего не говоритъ.

Съ нѣкотораго времени въ домѣ Чуева — дымъ коромысломъ ; все вверхъ дномъ ; безпреспанно госпни , и все молодые молодчики , сынки богатыхъ купцовъ Аспраханскіихъ. Что день , то въ домъ Чуева госпни , да госпни , и только , когда вечерняя звездочка забрежешся на снѣгъ небѣ , и только тогда веселые госпни Дуньки уходили отъ нея , потому что то было время , когда Чуевъ послѣ дневныхъ трудовъ своихъ возвращался

домой , чтобы на теплой печкѣ наслаждаться успокоеніемъ разслабленнаго пѣла.

И разъ слышнпъ Егорка Чуевъ, и два слышнпъ, оиъ людей посторонннхъ, оиъ сосѣдей приближеннхъ, что къ женѣ его всякой день ходятъ гости недобрые, и вѣрно жалуютъ подаркомъ. Когда же услышалъ оиъ въ претпій разъ, что жена его безъ зазрѣнпя совѣсти и поигрываетъ, и погуливаетъ съ сысками купеческими; то стало больно его сердцу неревнивому; оиъ задумался и просилъ жену свою оставнпъ то, что люди добрые не позволяютъ. Но Дунька сказала, что его не обезславнла напрасно, что лгупъ на нее, — и Чуевъ замолчалъ.

Но подозрѣнпя мужа въ опноменпн жены не уменьшнлись; оиъ началъ строже за нею прнмѣчать и къ величайшей своей горести замѣнпть, что жена его поочно измѣннла ему въ вѣрности, которую передъ алтаремъ

клялась ему вѣчно сохранятьъ. . . Не гнѣвъ, не досада овладѣла сердцемъ его, но горесль, нюска налегла свинцомъ на репивою Егорки. Онъ ничего не говоритъ Дулькѣ о томъ, что видѣлъ; не упрекать ес; не бранилъ; не показывать даже вида, что знаетъ всю гнусность ея пресупленія; но Чуевъ болѣлъ душею, болѣлъ жестоко, и однимъ вечеромъ пропалъ безъ вѣспи... И на другой же день все узнали и знакомые, и сосѣди, и все граждане Аспраханскіе узнали, что Егорка Чуевъ, купецъ суконной соппи, не находящися болве въ городѣ. И на другой же день близъ Аспрахани нашли шло, обезображенное до такой степени, что нельзя было узнать, кто былъ несчастный, которому принадлежало оно, и въ поже время пало подозрѣніе на Дульку, которая, какъ всемъ извѣстно было, всла жизнь недобрую. . . И тогда же взяли жену преслупную, вѣроломную, и око-

важную цѣлями отвели въ piorьму темную и холодную.

Начался судъ надъ преступною женою Чуева ; судьи начали допрашивать ее , уговаривали , чпобъ она раскаялась въ грѣхъ своемъ и скорѣе призналась въ убійствѣ своего мужа ; но Дулька не признавалась ; она говорила , чпо невшна въ смерти мужа , не причастна грѣха столь пятгоспнаго и не знаетъ , куда онъ дѣвался : судьи не повѣрили ей , стали угрожать пышкою , мученіями и . . .

Пышка началась ; ужасныя мученія подверглись на Дулку : она терпѣла , долго терпѣла , но наконецъ терпѣніе ея прекратилось , и несчастная , посреди мученій , призналась , чпо она , съ помощію своихъ любовниковъ , убила мужа , котораго послѣ вывели за городъ . . . Эпаго довольно было для судей ! признаніе въ преступленіи есть самое лучшее доказательство ! они начали

совѣщаться о наказаніи, какому должно подвергнуть преступницу, и приговорили ее на зарытіе живую въ землю. (*)

И скоро привели въ исполненіе приговоръ и не смотря на то, что Душка носила подъ сердцемъ злополучное швореніе преступной любви своей, не смотря на отрицаніе ся, что она все это говорила во время ужаснѣйшей пытки, несчастная по самую шею была зарыта въ землю. — Въ семъ несноснѣйшемъ положеніи, во время зимы она пребыла при дня, подвергаяся холоду и претерпѣвая ужаснѣйшій голодъ. . .

Всѣ проходящіе смотрѣли на нее съ сожалѣніемъ, съ состраданіемъ, но только что смотрѣли, а не подавали никакой помощи; ибо всѣ боялись подвергнуться гнѣву право-

(*) Не ручаемся за вѣрность*преданія.

судія , равной учасни съ несчастнаго Дунькою , всѣ смотрѣли на нее и — , не сказавши ни слова въ утѣшеніе , проходили мимо. . . Тщепно несчастная умоляла о помощи , о помилованіи , хотя не для нея , но для того младенца , который долженъ скоро родиться ; се никто не слушалъ ; и казалось , не понимали тѣ , которые проходили и проѣзжали мимо нея .

На четвертый день спраданія несчастной жертвы , Русскіе отправляли поминовение въ память умершей Царицы , матери Царя Иоанна , въ память Марьи Ильиничны , и всѣ стѣшили въ разворенные храмы , гдѣ совершалась божественная служба . Именемъ сей Царицы , высунувшаяся на поверхность земли блѣдная , изможденная голова , снова умоляла о помилованіи не для себя , но для несчастнаго младенца , котораго она носила подъ своимъ сердцемъ . — Известно , что во время

незომеништства, рожденія или памяти Царей Россійскихъ , всякой , подверженный наказанію , скорѣе можеть исходапайспивоватъ себѣ помилованіе. Смиѣ блиспастѣ душевная добродна Царей Россійскихъ.

Голова Дуньки успѣла пронупѣ жену воеводы Аспраханскаго : она шла въ церковь , увидѣла несчастнѣю , услышала ея вопли и — сжалѣлась. . . Супруга воеводы вспунилась за нее , исходапайспивовала ей прощеніе ради памяти Царицы и освободила се. . . Послупокѣ , достпойный благородной женщины ! . .

Скоро послѣ того освобожденная Дунька разрѣшилась опѣ бремени и родила веселинькаго мальчика , и скоро послѣ того , мо кпо вообразитѣ , себѣ что случилось ? . . И скоро послѣ того , въ одно прекрасное , зимнее утро , являетсѣ въ домѣ Чуева , въ кошоремѣ жила Дунька , являетсѣ самѣ Чуевѣ , кошораго всѣ считали давно уже умершимѣ , убишымѣ своєю

женою, напрасно поспрадавшей споль жестоко за своего мужа.

Открылось, что Егорка Чуевъ, купецъ сукошной сошни, видя, что проступки жены его болѣе и болѣе увеличиваются, видя, что жена его совершенно забыла свои обязанности и совершенно предалась бурной и невольной спраспи своей, и не въ соспоини будучи переносить пакія беззаконія у себя въ домъ, однимъ вечеромъ удаллся изъ онаго и отправллся на суди въ Москву, гдѣ и пробыль до пѣхъ поръ, пока услышалъ, что несчастная жена его напрасно спрадаеть за него. . .

Но Дунька не могла уже жить съ Чуевымъ; она не могла быть женою его. — Мужъ презиралъ ее, какъ всѣ презирають пѣхъ, которые за деньги продають свои прелести; онъ презиралъ ее и не разговаривалъ съ нею, какъ было прежде въ первые дни брака ихъ;

по взялъ на свое попеченіе малютку , копорого Дунька недавно произвела на свѣтъ ; занялся воспитаніемъ его , какъ чадолюбивый отецъ занимается воспитаніемъ дѣтей своихъ собственннхъ , и со временемъ сынъ Дуньки сдѣлался полезнымъ членомъ Аспраханскаго купческаго общесва. . .

Но что же Дунька , жершва пресгупныхъ страсшей своихъ ? . . Дунька вспуила въ монаспырѣ и сдѣлалась монахинею , чпобѣ подѣ чернымъ покрываломъ смиренія принесѣть Богу раскаяніе во всѣхъ грѣхахъ своихъ ; она молилась , она проливала слезы покаянія. , .

И долго, долго въ городѣ Аспрахани Дунька слыла подѣ именемъ схоронки , (окопачки) , п. с. погребенной , и долго *окопачка* каялась въ домѣ Господнемъ , но наконецъ нишѣ ея жизни порвалась : она умерла.

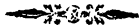
ОСНОВАНІЕ МОСКВЫ.

(*Историческая повесть*).

I.

Весело и радостно Князь Суздальскій Юрій Владиміровичъ, прозванный Долгорукимъ; весело и радостно пиравалъ оный съ Князьями и воеводами своими на берегахъ шумящей, извивистой *Самородины*. Оный угощалъ союзника своего Святослава Ольговича, Князя Черниговскаго, который вспомошествовалъ ему въ блистательной побѣдѣ, одержанной Юріемъ надъ Великимъ Княземъ, Изяславомъ Мстиславичемъ, своимъ племянникомъ, у котораго оный оспаривалъ право на Великокняжескій престолъ. — Давно уже Юрій и Изяславъ ссорились за первенство власпи

верховой ; давно уже и много сражались они и проливали кровь своихъ подданныхъ, кровь Русскихъ. Но перешнее послѣднее сраженіе оспалось на спорошъ Юрія ; онъ побѣдилъ своего племянника , разбилъ его совершенно на поляхъ Кучковыхъ , и Изяславъ съ небольшимъ числомъ изъ своей дружины спасся бѣгствомъ опть. постыднаго плѣна и скрылся въ первопреспольномъ и богатомъ градѣ Кіевѣ , проклиная и себя , и дядо своего Юрія.

II.

Веселье и роскошь была пирь, который Князь Суздальскій давал своимъ сподвижникамъ въ ратныхъ дѣлахъ своихъ. Весело и шумно ликовали Князья и Воеводы за большимъ столомъ Княжескимъ. Опять сыпныхъ яспвъ и опять кованицуъ кубковъ съ медомъ яппарнымъ ломился столъ дубовый, за которыми первыя мѣста занималъ Юрій и дорогой соратникъ его Святославъ Изяславичъ, Князь Черниговскій. Прочіе Князья и воеводы занимали мѣста нижнія и разчесывая свои окладистыя бороды, освѣжали себя медомъ иппучимъ, и за здоровье — за побѣду Князя Суздальскаго пили вина заморскія. Веселье и разгульиѣ становилась беседа паршесива; веселье и разгульиѣ становилась собесѣдинки. — Ръчи красныя о дшнихъ ратныхъ

подвигахъ дивныхъ богатырей времяъ Владимира, лились рѣкою изъ устъ пиршеспелующихъ, и воспоминанія о такихъ похожденияхъ возбуждали мужество и храбрость въ душахъ Князей и Воеводъ бранолюбивыхъ.— И долго, еще долго продолжалась бесѣда сладкая и пиръ веселой, дополу, пока луна двурога не возвѣспила пирующимъ о наступлещи ночи.

III.

Ночь. . Глубокая тишина царствуетъ въ природѣ. Ни одинъ листокъ не колышется на деревѣ, ни одна запоздалая птица не пролетѣла въ воздухъ; ни одинъ звѣрь дикій не пробѣжиптъ по лѣсу, покрывающему берега Самородины. Все спитъ; все спитъ— лишь одна застычивая луна бодрствуетъ, проходя по голубому небу и освѣщая воды Самородины и спавки спана воинскаго, погруженнаго въ глубокий, крепкій сонъ. — Лагерь Суздальскаго Князя въ безмолвіи, копорое — изрѣдка нарушается глухимъ окликомъ часовыхъ, копорые съ длинными копьями въ рукахъ и съ острыми мечами при бедръ ходили кругъ палатокъ, раскинутыхъ на широкихъ поляхъ Кучковыхъ.—

Воины рапи Юріевой послѣ воинскихъ трудовъ покойно отдыхали въ палаткахъ, снявши съ себя вооруженіе, споль полезное во время битвъ кровопролитныхъ. Удѣльные Князья, союзники Долгорукаго и Воеводы, вѣрные слуги его покоились на походныхъ ложахъ своихъ, оспавивши мѣсто пиршества, данаго имъ въ честь побѣды Княземъ Суздальскимъ. Да и самъ онъ находился въ объятіяхъ сна крѣпительнаго, охраняемый въ своей палаткѣ вѣрною дружиною своею.

Но не долго, очень недолго сонъ услаждалъ чувства Русскаго воинства и вождей его; недолго покоились они подъ сѣнію палатокъ своихъ, недолго отдыхали сыны побѣды послѣ трудовъ своихъ. — Незаданный крикъ часовыхъ и споны умирающихъ достигли слуха покоящихся, и разбудили ихъ. — Сдѣлалось всеобщее смятеніе! Вожди и воины, полупроснувшіеся, полувооруженные, выбѣгаютъ

изъ палатокъ : и жаркая съча часовыхъ съ полпою неизвѣстныхъ воиновъ представляется взорамъ ихъ ! — Кровь закипѣла въ жилахъ воиновъ Князя Суздальскаго , и они мгновенно нападаютъ на врага нечестливаго... и скоро , скоро многолюдство и храбрость Юриевой дружины воспоржествовали надъ дерзскимъ , но слабымъ отрядомъ вождя неизвѣстнаго , который , лепая взадъ и впередъ на борзомъ конь своемъ , ободрялъ своихъ сподвижниковъ и успроивалъ ряды бѣгущихъ повсюду ратниковъ своихъ. — Но всѣ усилія его были тщетны ! . . Онъ не могъ побѣдить непобѣдимаго Юрія ; онъ обратился въ бѣгство , но былъ настигнутъ , взявъ въ плѣнь и окованный цѣпями неволи опведенъ въ палатку Юрія . . .

IV.

Сумрачень и суровь сидель Князь Суздальскій въ своемъ шесовомъ перемь , въ городѣ Суздаль. На чель его падвинулись пучи гнѣва ужаснаго ; глаза его сверкали , какъ молнии во время грозы бурной , и никпо , никпо изъ самыхъ приближенныхъ къ нему не могли , не смѣль прервашь его думь шайныхъ , думь важныхъ и великихъ. Даже любимый сынъ Андрей не дерзаль войти къ ошцу раздраженному на дерзость и гордосць боярина , боярина проснаго , который бы долженъ былъ благоговѣшь предъ величіемъ Юрія . . .

Но онъ не сдѣлаль знаго ! . . И гордый бояринъ , эпопть дерзскій Кучка , на поляхъ копорато ликоваль Князь Суздальскій , эпопть Кучка осмѣялся еще нанаснь на него съ своими избранными , и когда же ? во время ночи ,

какъ шать безчестный , какъ разбойникъ придорожный ! . . И за что же напалъ на него ? . . За то , что Князь Юрій , не спросясь , вступилъ съ своимъ войскомъ въ его владѣнія , занялъ поля его . О дерзость несмысленная ! о гордость непомерная ! . . Но кичливый бояринъ ! ты узнаешь тяжесть руки Юрѣевой , ты понесешь наказаніе жестокое , достойное твоего безразсуднаго поступка . . Но здѣсь новая , свѣтлая мысль блеснула въ головѣ дяди Изяслава ! . . Онъ вспомнилъ прекрасныя мѣста полей Кучковыхъ ; онъ вспомнилъ , какъ любовался ими съ высокой горы , обѣненной дремучимъ боромъ , и вспомнилъ , какъ онъ говорилъ во время пиршества Князьямъ и Воеводамъ своимъ , что хорошо бѣ было на такомъ прекрасномъ мѣстѣ построить городъ , который бы обширностью и великолѣпіемъ своимъ превосходилъ все прочіе города Русси священной ! . . Теперь

пришла ему мысль исполнить свое великое намереніе , которое пѣмь удобнѣе казалось , что побѣжденный , скованный и заключенный въ темницу Кучка , вѣроятно склонился на всё для спасенія своей жизни и участи въ пакомъ великомъ дѣлѣ , которое должно жить въ памяти позднѣйшаго потомства ! . . .
Мрачное лице Князя Суздальскаго прояснилось и заиграло свѣтлою радостію ; онъ велѣлъ осѣдлать своего вороного скакуна ; вышелъ на широкое крыльцо своего перема , вскочилъ на коня , и въ сопровожденіи своихъ спремьяныхъ отправился къ темницѣ , гдѣ помился въ неволѣ бояринъ Никиша Ивановичъ Кучка.

V.

Свѣтло было небо лѣтнее , и радостно , радостно красное солнышко капилось по этому небу чистому. Весело улыбалась природа твореніямъ Господа ; но въ душѣ Никиты Ивановича было мрачно , какъ въ ночь осеннюю ; его не радовало небо чистое ; его не веселило красное солнышко ; онъ не чувствовалъ прелестей природы разнообразной , природы , сіяющей великолѣпіемъ. Скорбь , печаль тяжкая налегла на сердце боярина ; онъ грустилъ , онъ скучалъ , помнилъ въ оковахъ желѣзныхъ , въ пюрѣмъ темной и холодной. —

Не столько о себѣ беспокоился бояринъ заключенный ; не столько о своей участи мучился онъ , сколько о жребіи , о положеніи своей единственной дочери , нѣжно , нѣжно любимой имъ Улитѣ. Онъ оставилъ ее одну ,

только съ няньками , оставилъ беззащитную , безкровную въ своемъ высокомъ перемѣ . — Спрашно было подумашь боярину , что его милая , нѣжная Улипа , въ печали льетъ слезы горькія . Бышь можешъ , она пошла искать опца своего и заблудилась въ темныхъ лѣсахъ Кучковскихъ ; бышь можешъ , она пропала ужъ безъ вѣспи . . . Такъ думалъ удрученный гореспью бояринъ , пакъ думалъ онъ о дочери своей : и слезы пошекли рѣкой изъ пусклыхъ очей его , и облегчили нѣсколько разлуку съ милымъ дѣшцемъ . Слеза — опрада несчастному ! . . слеза — ушѣшеніе злополучному ! . . Вдругъ слухъ боярина поразилъ спукъ , производившій опъ задвижекъ , копорыми запирались двери шюрмы его ; онъ увидѣлъ , что дверь медленно опворяется , опворилась — и изумленнымъ глазамъ его предспалъ Князь Суздальскій , сопровождаемый свипою .

VI.

»Бояринъ Никиша! сказалъ ему вошедшій Юрій, я пришелъ сюда помиришься съ побою, прекратишь неудовольствія; произшедшія между нами. Забудь обиду, причиненную тебѣ, и прійми руку, проспершую къ тебѣ въ знакъ дружбы.«

Кучка съ внимательностію посмотрѣлъ на Князя, и молча протянулъ ему руку, которую съ пріязнію пожалъ Юрій.

»Теперь, продолжалъ Юрій, когда между нами уже миръ заключенъ, я долженъ опкрыть тебѣ мое намѣреніе. Выслушай его. Поля, которыми владѣешь ты, Никиша, и по которымъ пропекается свѣплая Самородина, поля эти полюбились мнѣ своими красивыми мѣстами, своими луговинами и лѣсами: уступи мнѣ ихъ, Никиша, и я дамъ

шебѣ за нихъ богатыя волости , какія ты самъ избереши . Когда ты опдашь мнѣ поля свои , то я велю разчиспипь ихъ и воздвигну среди ихъ городъ большой , городъ богатый , великолѣпный , копорый бы служилъ образцемъ для прочихъ городовъ царства Русскаго . Опвѣчай мнѣ , Никиша , согласенъ ли ты на мое предложеніе ?»

Бояринъ , сидѣвшій доподъ съ поникшими взорами и слушавшій со вниманіемъ рѣчи Юрія , поднялъ голову , посмотрѣлъ на Князя и сказалъ ему : »Правду ли ты говоришь , Князь ? Не ковы ли хитрые устроишь прошивъ меня ?»

» Не уже ли Князь Суздальскій долженъ клясться , чшобъ увѣришь боярина Кучку въ своемъ благомъ намѣреніи ?» Сказалъ Юрій , нѣсколько вспыхнувши опъ досады . — »Когда такъ , опвѣчалъ Никиша Ивановичъ , то поля мои принадлежатъ тебѣ ; клянусь чesпью ,

что ни одна пядень земли не будетъ принадлежать мнѣ, когда я не сдѣлаюсь участникомъ въ швоемъ великомъ намѣреніи!»

» Снимайте съ него оковы!» сказалъ Юрій, и освобожденный бояринъ хопѣлъ броситься къ ногамъ Князя, но Юрій не допустилъ его, и съ чувствомъ прижалъ къ своему сердцу стараго боярина.

» Теперь всё кончено! вскричалъ онъ; мы болѣе не враги, а друзья: пойдѣмъ, бояринъ, ознаменуемъ сей день радостью и веселіемъ, и свѣплымъ медомъ запьемъ нашу прежнюю вражду. «

Сказавши сіе, Юрій вышелъ изъ пюрьмы; за нимъ послѣдовалъ Кучка съ радостью въ сердцѣ, съ слезами на глазахъ, и пюрьма оспалась пустою до перваго несчастнаго, кошораго судьба осудитъ на заключеніе.

VII.

Что за шумъ на широкомъ дворѣ Княжескомъ? что за смятеніе? какихъ ради причинъ выведены спройные кони Княжескіе? для чего осѣдланы они такъ пышно? къ чему стремянные Юрія разодѣшы такъ богато?— Не сына ли женишь, Князь Суздальскій? не дочь ли за мужъ выдаетъ Юрій Долгорукій!— Не свадьба виною такого шума и смѣшенія, такого убранства коней и придворныхъ! . . Князь съ Никипою Ивановичемъ опѣзжаютъ въ поля Кучковы для освѣщенія того мѣста, гдѣ долженъ быть сооруженъ первый храмъ Господу, Міроправителю! . .

Но что же еще медлишь Князь Суздальскій? для чего онъ медлишь такъ долго? ужъ кони быспрые заждались его, ужъ всѣ стремянные соскучились! . .

Не сыщеть Князь сына своего, Андрея любимого, не сыщеть ни въ перемь, ни въ свѣтлицяхъ дѣвичьихъ. Опъ ждесть его, не дождепся; онъ клпчетъ его, не пакличется! спраннымъ казалось Юрію, куда дѣвался сынъ его возлюбленный, Андрей льпообразный? Травилъ звѣрей онъ не любилъ, красавиць не жаловалъ, всегда дома сидѣлъ, а шеперь пропалъ, какъ нарочно!..

» Не безпокойся о сынъ швоемъ — Князь Суздальскій! сказалъ кравчій Юрія, подошедши къ нему: « сыць швой, опъѣзжая велѣлъ сказаць лебѣ, что онъ скоро и въ добромъ здоровѣ опяшь возвратится.»

»Куда же опѣхалъ онъ?» спросилъ Юрій у кравчаго.»

Того не вѣдаю! » опвѣчалъ кравчій, низко кланяясь. — Накмуривши густыя брови свои, нависшія, какъ грозныя тучи надъ двумя ясными озерами, надъ ясными очами,

Юрій въ сопровожденіи боярина Никипы Ивановича Кучки и многихъ придворныхъ своихъ вышелъ на песовое крыльце своего шерема высокаго ; громко свиснулъ ; и спремьяные съ конями явились передъ своимъ повелителемъ. — Сълъ на коня Князь Суздальскій , сълъ на кося бояринъ Кучка , съли на коней придворные и спремьяные , съли всъ , и скоро , быспро пуспились съ двора Княжескаго , направляя бѣгуновъ своихъ шуда , гдѣ широкія поля Кучковы блиспають своєю сочною правою.

VIII.

На високомъ , песчаномъ берегу , надъ свѣтлою спруискою Самородиною , спояль высокой , дубовый перемъ боярина Кучки. Свѣтлыя окна перема съ одной стороны обращены были на рѣку , а съ другой на широкія , зеленѣющія поля. Свѣтлица прелестной бѣлолицой Улипы , дочери Кучки , находилась надъ самою рѣкою , — и часно , часно , эта скромная дѣвица въ отсутствіе отца своего , роняла изъ окна горючую слезу въ волны Самородины и говорила себѣ : рѣка быспропекущая ! Самородина извѣстная ! ты неси слезу мою горючую , печальную къ родилецю моему , отцу чадолюбивому ! «

Но съ нѣкотораго времени Улипа меньше занималась рѣкою и почини не бесѣдовала съ нею. — Ея вниманіе обращалъ кресплянинъ ,

кошорый уже нѣсколько дней на легкомъ челнокѣ плавалъ подѣ окнами Улипиной свѣтлицы и звуками своей свирѣли, на кошорой игралъ онъ, услаждалъ слухъ спыдливой дочери Кучки. Улипа слушала его съ удовольствіемъ, съ какой то пайною радостью, — и шакъ пропекли чешыре дня.

Великолѣпно выходило красное солнышко на пятый день и позлащало своими блестящими лучами высокій перемъ Кучки, садъ и огороды сего боярина. — Улипа, проснувшись вмѣстѣ съ раннимъ солнышкомъ, какъ легкая шпичка, выпорхнула изъ своей свѣтлицы и побѣжала въ садъ, чшобъ освѣжить себя чистымъ воздухомъ лѣпняго упра. Блала, полощяная сорочка и легкая шьлогрѣйка покрывавшая плеча ея, составляли всю ея одежду. — Изъ переплетенной, каштановой косы ея вилась широкая, голубая лента, и играла съ легкими зефирами, кошорые,

плѣвившись прелестями Улипы, изливали на нее живительную прохладу упря.

Солнце болѣе и болѣе выходило изъ за мрачнаго бора, въ которомъ скрывался пуспыльникъ Букаль; Улипа хотѣла уже удалиться въ свѣшлицу, какъ вдругъ, какъ будто съ неба, явился передъ нею креспьянинъ, забавлявшій ее спройными звуками своей свирѣли. Улипа испугалась; хотѣла бѣжать; но невидимый поселянинъ держалъ ее.

Прекрасная Улипа! вскричалъ онъ робкимъ голосомъ; ты единственною причиною того, что я явился предъ тобою не въ насполицемъ, своёмъ видѣ; прелестная дѣвушка! узнай во мнѣ Андрея, старшаго сына Юрія, Князя Суздальскаго. И съ симъ словомъ большая креспьянская шапка спала съ головы Андрея, серый кафпанъ свалился съ плечъ его и представилъ изумленной Улитѣ кольчугу и спройной спашъ молодого человека.

» Ты Андрей? вскричала Улипа; ты сынъ Князи Суздальскаго? . . .

» Да, любезнѣйшая изъ красавиць Русскихъ! Я сынъ Юрія! . . . И любовь, любовь спраспная привела меня сюда, къ ногамъ твоимъ. Такъ! я люблю спраспно, пламенно тебя, милая Улипа!« — сказалъ Андрей и подошелъ ближе къ прелепущей дѣвушкѣ.

» Ахъ! я и сама любила и люблю тебя, любезный Андрей, « сказала, покраснѣвши опять спыда Улипа, — и молодые любовники поверглись другъ къ другу въ объятія. Крѣпко и долго цѣловались они въ малиновыя устна свои, — не могли опорваться одинъ оиъ другаго.

Любовь показала имъ другъ друга тогда, когда Юрій пировалъ съ своими подданными на поляхъ Кучковыхъ: тогда Андрей и Улипа увидѣлись чрезъ окно свѣплицы, и любовь горлчая, пламенная зажгла ихъ юныя сердца.

IX.

Быстро, быстро проходили дни счастливые для Андрея и милой его Улипы; быстро, быстро пропекли часы, исполненные любви и ласкъ нѣжныхъ — Безпрестанно любовники находились вмѣстѣ: или сидѣли въ высокой свѣщницѣ Улипиной, гдѣ любовь такъ хорошо, такъ пріятно насвистывала имъ о будущемъ; или рука въ руку прогуливались по саду, по полямъ Кучковымъ, гдѣ воздушные жипели, соловьи и малиновки, казалось, говорили имъ о любви ихъ, и предсказывали счастливую жизнь брака счастливаго.

Любовь нѣжная, любовь чистая есть алмазь неоцѣненный, благо, рѣдкое въ сей жизни. — Снмъ-шо благомъ наслаждались

Андрей и Улипа въ помѣстьяхъ боярина Кучки, о кошоромъ Андрей сказалъ Улитѣ; что онъ находится въ Суздаль, во дворѣ Князя Юрія, опца его: и любовница сына Княжескаго успокоилась и предалась лесной спраси своей!

Солнце закапилось во всемъ великолѣпнн своемъ, когда молодые любовники вышли изъ перема въ уборной садъ. Вечеръ былъ прекрасный! . . Пшички, перепархивая съ вѣпки на вѣпку, выпускали радостныя прели свои; легкой вѣперокъ шеппалъ съ зелеными листочками кудрявыхъ березъ и вѣшвисныхъ липъ. . . все располагало къ чувспвамъ любви! . . Андрей и Улипа сѣли на дерновую скамью, освняемую спольпннмъ развѣсиснымъ дубомъ. Увѣренія въ любви, въ любви вѣчной, снова начались; спраспный любовникъ обвилъ руками бѣлую шею любовницы, и успа ихъ

соединились. . . *Люблю*, роковое *люблю* исчезло
подъ крѣпкими поцѣлуями Андрея и Улипы!..

Въ эту самую минуточку слышался шорохъ шаговъ за кустами ; — кусты раздвинулись, — испугавшимся , обомлѣвшимъ опять ужаса любовникамъ представилъ Князь Юрій и новый другъ его , бояринъ Кучка ! . . Улипа , блѣдная , какъ полопно , хохля бѣжапъ , но Юрій остановилъ ее , и съ улыбкою удовольствія сказалъ обоимъ любовникамъ :

» Любовь чиспая соединила васъ , дѣппи !
Теперь оспалось намъ съ бояриномъ Кучкою соединить васъ : любите другъ друга , какъ клялись вы , вѣчно , до самой смерти вашей.
Подите сюда , дѣппи ! «

И Князь Суздальскій соединилъ руки любовниковъ , пораженныхъ удивленіемъ и не знавшихъ , что дѣлать опять радости ! . . Бояринъ Кучка подошелъ къ юной чепъ ; благословилъ Андрея и Улипу , — и прижалъ

ихъ къ своему сердцу крѣпко. »Теперь все кончено ! »сказалъ Князь Суздальскій.« Дѣти наши соединяются неразрывными узами брака, и да возродится любовь ихъ вмѣстѣ съ возрожденіемъ того города, копорый скоро, скоро воздвигнется на мѣстѣ любви дѣшей нашихъ , и да будетъ памяникомъ двухъ вѣрныхъ сердець , памяникомъ до самаго позднѣйшаго попомства ! « Любовники поверглись къ ногамъ родителей своихъ , снова получили благословеніе , и радость запечатали поцѣлуями сладкими.

X.

Ясно было утро льпнее , весель былв мїръ Господень ; радоспна была природа красивая ! — Всѣ шворенїя , казалось , лико. вали съ Княземъ Юріемъ и бояриномъ Кучкою ; всѣ шворенїя , казалось , поржеспвовами празднество Князя и Боярина ! . . Тихо и величеспвенно шли священники , облаченные въ блеспящїя парчевыя ризы свои ; впереди ихъ развѣвались Свяшья хоругви , и благоговѣнный хоръ благодарспвенной молишвы возносился ко Господу. Шеспвїе заключамъ почпенный льпами и саномъ Архипаспырь , за нимъ Андрей и Улиша , по споронамъ кошпрыхъ Князь Юрій и бояринъ Кучка ; за ними народъ и креспьяне , всѣ съ непокровенными головамн.

И шихо , и величественно обошелъ сей ходъ предѣлы владѣній Кучковыхъ ; и шихо , и величественно совершена закладка храма Господня , копорый долженъ быть знаменіемъ града великаго , благолѣпнаго ! И совершился обрядъ заложенія , — и хоръ спройныхъ голосовъ воспѣлъ благодарственный канонъ Вседержителю , и многолѣпіе Князя Юрія и боярина Кучки ! . . Добрыя дѣла живутъ въ попомствѣ , живутъ всегда , вѣчно ! . .

И въ попь же день другой обрядъ священный совершился , обрядъ брака , связавшаго узами любви Андрея и Улипу . И возрадовались Юрій и Кучка , и возликовалъ народъ и креспьяне . . Юная чепа угощала всѣхъ , копорые только находились во владѣніяхъ Князя Юрія , принадлежавшихъ боярину Кучкѣ .

И чрезъ нѣсколько времени на поляхъ Кучковыхъ начали сооружаться храмы Господни ,

начали спрощься домаы и анбары , и учреждапья улицы широкія : и чрезъ нѣсколькo времени новыѣ городѣ началъ заселяпья купцами и людинами , прѣѣзжавшими изъ другпхъ городовъ Руссіи проспранной , и началъ цвѣспь въ нѣдрахъ царспва Русскаго , какъ цвѣшупь города другіе.

Но никпю еще не зпалъ названія города новооснованнаго : и боярпнѣ , и госпѣ , и проспой купецѣ , и самыѣ послѣднѣй людинѣ говорпди , чпю они ѣдупѣ за *Мостки* ; чпю они прѣѣхали изъ за *Мостковѣ* , копорые находпмь въ разныхъ мѣсплахъ по всѣмъ дорогамъ къ первобыпной Москвѣ , и долго , долго основанныѣ Юрпемъ городокѣ не носпмъ названія постпояннаго , и долго еще продолжали говорпшѣ : я ѣду за *Мостки* ; я прпбылѣ изъ за *Мостковѣ*. Но наконецѣ мало по малу это слово *Мостки* превращплось какпмъ-пю образомъ въ слово *Москву* , изъ не-

большаго города явился наконецъ городъ огромный , богатый , Москва бѣлокаменная , и начала процвѣтать Москва бѣлокаменная , какъ кринъ сельный , и досель цвѣтепъ еще , превозноситея предъ градами Русскими , и знаменуетъ существованіе свое въ міръ семью дѣліями славными , великими , дѣліями , доспойными сыновъ царства Русскаго.

П О Э З И Я.

КЪ НЕЙ.

И ты, мой другъ, оставила меня,—
 И ты, мой другъ, оставила на вѣки
 Того, копорый жизнь ведешь спеня,
 И проливаешь слезъ горючихъ рѣки.—
 Въ то время, какъ я былъ любимъ побой,
 Не зналъ ни горестей, ни слезъ, ни скуки;
 Въ объятіяхъ подруги молодой,
 Не чувствовала я пьягоспной разлуки.
 Бывало, мѣсяцъ красной липы взойдетъ,
 И на лазури неба заблещаетъ;
 Любезная ужъ въ рожицу идетъ,
 И съ жаромъ къ сердцу меня прижимаетъ.
 Я любовался милою своею;
 Уста мои вспрѣчались съ устами
 Любезной. Я садился ближе къ ней,

. . . . .
 . . . . .
 Тогда, казалось, не было для насъ,
 Ни міра, ни людей! все пропадало!
 И въ сей споржеспивенный, веселый часъ
 Одно, одно насъ шолько занимало—
 Теперь же гдѣ ты, милая моя?
 Гдѣ, другъ мой, мирное швое жилище?
 Изчезли дни веселія; — и я
 Печалень, какъ печальное кладбище!—
 Бывалое мечтаешься все мнѣ,
 Бывалое я часто вспоминаю;
 И безъ тебя въ далекой споронѣ,
 Грущу, шомлюсь, лью слезы я — шпрадаю. —
 Чшожь дѣлать мнѣ? — шакъ велѣно судьбой,
 Чшобъ я съ шобой на вѣки разлучился;
 Чшобъ я съ угрюмой, мрачною шоской,
 Одинъ въ лѣсахъ дремучихъ заключился;
 Чшобъ вѣчно я жизнь скорбную влачилъ,
 Какъ сынъ убійствъ, ужасныхъ прешупленій
 За то, чшо нѣсколько счастливо жилъ,
 Среди ушѣхъ, средь милыхъ наслажденій. —
 Прощи! и ахъ, бышь можешь, вѣчно, вѣчно,

Мнѣ не видать тебя въ сей споронѣ,
И болѣ радости не знашь сердечной. —
Прости, любезная, въ послѣдній разъ;
Течешъ изъ глазъ слеза воспоминанья:
Лучь счастья моего на вѣкъ погасъ,
И мнѣ одни остались лишь спраданыя. —

ГРУСТЬ , ДЩЕРЬ ЛЮБВИ.

Вошь здѣсь , вошь здѣсь предметъ моей любви!
 Здѣсь милая, кошорой я прельстился ;
 И я влюбленъ ; — любовный жаръ въ крови
 При видѣ прелестней воспламенился.
 Здѣсь скромное жилище! — уголокъ ,
 Прекрасный для любовниковъ несчастныхъ ; —
 И мнѣ , и мнѣ судилъ жестокой рокъ ,
 Любишь , — и чувствовалъ прекрасныхъ . —
 И я влюбленъ! — чтожь дѣлать мнѣ въ сей часъ?
 Страдать , иль пастъ къ стопамъ дѣвицы милой,
 Ее узрѣть , ее услышать гласъ ,
 И вновь развеселишь свой взоръ унылой? —
 Когдажь дражайшая меня презришь ,
 И пылкую мою любовь отвергнешъ ;
 Тогда меня она , ахъ! умертвишь
 И въ хладную могилу вдругъ повергнешъ . —

Я поселюсь въ далекой сторонѣ,
 Содѣлаюсь опшельникомъ, монахомъ..
 Какъ воскъ , я буду таять на огнѣ ,
 И наконецъ содѣлаюсь я прахомъ ;
 Но что заранѣ себя поминь!
 Я объяснюсь съ владычицей прелестной;
 Ее одну лишь спану я любишь ,
 Любовью пламенной, но ей, ахъ! неизвѣспной:—
 Я видѣлъ много , много милыхъ дѣвъ ;
 Не рѣдко милые встрѣчалъ ихъ взоры; —
 Слышалъ и нѣжный , томный ихъ напѣвъ,
 И громкіе, невинны разговоры. —
 Но не видалъ , но не встрѣчалъ таковой ,
 Которая бѣ меня собой прельстила ;
 И наконецъ улыбка лишь одной , —
 Неколебимосшь , пвердосшь уступила.
 Разсаялъ я ; — и робкая любовь
 Къ прелестной въ сердцѣ моемъ поселилась;
 И юная , пылающая кровь ,
 Въ волненіи ужасномъ находилась. —
 Увы! прежалкое пворенье шощъ ,
 Кто испытуешь , шерпишь жаръ любовный,
 Кто бремя тяжкое любви весещъ ,

Отчаянный, унылый и безмолвный. —
Нѣтъ для него оправды въ свѣтѣ семъ,
Нѣтъ для него успѣхъ и наслажденій!
Міръ не порадуешь его ничѣмъ,
Любовь—предметъ его всѣхъ помышленій:
И для меня веселія ужъ нѣтъ,
И для меня зашмился блескъ природы!
Любовь, любовь, любовь — одинъ предметъ
Несчастливаго, лишеннаго свободы.

И СЛѢДЪ ПРОСТЫЛЪ.

Забвенье— участь всѣхъ на свѣтѣ! —
 Знашь такъ самъ рокъ опредѣляль:
 Всѣ възяшь въ жизненной каретѣ.—
 Но лишь умрушь,— и слѣдъ простыль!

Примѣръ сему мы можемъ видѣть:
 Клеонъ предобрыхъ правилъ былъ;
 Онъ никого не могъ обидѣть, —
 Но умеръ лишь, — и слѣдъ простыль!

Всѣ съ восхищеньемъ говорили,
 Что взглядъ Кларисы очень милъ;
 Но вдругъ Кларису сговорили —
 За милаго, и слѣдъ простыль!

Прижимкинъ, человекъ забавной —
 Въ судѣ Повыпчикомъ служилъ ;
 Онъ обиралъ всѣхъ преисправно, —
 Но вышелъ вонъ, — и слѣдъ простыль!

Аглая, старая кокешка —
 Совсѣмъ ужъ выбилась изъ силъ ;
 Вѣдъ староссть грозная замѣшка!..
 Она съда, — и слѣдъ простыль!

Филонъ, шоргашъ весьма задорной —
 Сто пысячь на домъ посадилъ; —
 Но домъ сгорѣлъ весьма проворно :
 Его ужъ нѣсть, — и слѣдъ простыль!

Фіона, прежде и не смѣла —
 Явисься въ свѣстѣ безъ бѣлилъ ;
 А нынѣ очень захирѣла, —
 Краса прошла, — и слѣдъ простыль!

Спашейкинъ, выпрениій писатель —
 Истрапилъ множество чернилъ ;

Писаль, писалъ, писалъ пріяшель, —
Но переспаль, — и слѣдъ проспаль!

И точно, — кто шого не скажешь? —
Что всякъ забудеться, кто жиль;
Смерть всякому предѣль укажешь :
Все пропадешь, — и слѣдъ проспаль!

Д В А Б Р А Т А .

Одинъ и вѣшкѣ, и спарь ; — другій и свѣжъ и
 младъ ;

Ихъ имена теперъ равно вездѣ гремятъ ! . .
 Во всей Европѣ ихъ давно провозглашаютъ ;
 Но кто правѣй изъ нихъ, — того еще не знаютъ ! .
 Братья спаршій Римлянамъ и Грекамъ были зна-
 комъ ,

И славился своимъ изящнымъ языкомъ,
 Гласилъ о подвигахъ увѣнчанныхъ героевъ,
 О ихъ могуществѣ , о славѣ древнихъ боевъ ,
 О разныхъ божествахъ и Грековъ , и Римлянъ ,
 О плодоноснн различныхъ древнихъ спранъ ;
 О нравахъ и дѣлахъ современныхъ народовъ ,
 Объ изобиліи садовъ и огородовъ ;
 О соспоянн хѹдожесствъ и наукъ ,
 О жизни нравственн ой дворянъ , мѣщанъ и слугъ ;
 О древнихъ праздникахъ , о шоржесствахъ различ-
 ныхъ ,

Обь играхъ, зрѣлищахъ, о зданіяхъ опличныхъ;
 Ну словомъ: спаршій брасть земное лишь любилъ
 И къ безконечному не смѣлъ и не парилъ ! . . .
 За шо несчастному наградою забвенье,
 И скоро, можешъ бышь, поспигнешъ разрушенье!
 Напротивъ младшій брасть пошелъ другимъ пупѣмъ
 И древнимъ никогда онъ не былъ и знакомъ. —
 О немъ находяшся различныя сказанья,
 Липперашурныя, спаринныя преданья.
 И вопшь, что говоримъ о немъ ученый кругъ:
 При возрожденіи въ Италіи наукъ,
 Сей младшій брасть на свѣшь со славою родился,
 И съ шѣхъ-шо самыхъ поръ въ Европѣ поселился;
 Сыны Флоренціи бесѣдовали съ нимъ,
 И онъ Пешпаркою въ шо время былъ любимъ;
 Боккачіо и Дантъ равно имъ восхищались,
 И бышь въ знакомствѣ съ нимъ всегда они спарамись;
 Опшуда младшій брасть по всѣмъ спранамъ пошелъ,
 И шакъ во всѣхъ спранахъ себѣ приемъ нашель.
 Другой ученыхъ кругъ совсѣмъ не шакъ шолкуешъ,

И брата младшаго опчизной именуешь
 Германию , сію учености страну,
 У коей младшій брaть былъ будшо бы въ плѣну;
 Но эшто въ вершопрахъ въ оковахъбышь не мо-
 жешь. —

Его въ семь мірѣ всё рѣшишело шревожишь ,
 Онъ плачешь , онъ грустишь , онъ знаетъ лишь
 . печаль ,

Спремился въ горнюю , невѣдомую даль
 И спонеть на землѣ , куда-то воспаряя,
 И адѣ-то съ кѣлѣ-то жить , блаженспивовать
 желая. —

Какъ старшій брaть его существенность лю-
 билъ ,

Такъ самъ онъ глупостью себя и всѣхъ сгубилъ.
 Кто жъ эци брaтья ? . . кто жъ ? —

Ихъ вѣрно всякой знаешь,
 И пошчасъ , лишь прочтешь , ихъ имена узнаешь:
 То Классицизмъ ,
 И Романтизмъ ! —

РОМАНСЪ.

Молодой офицеръ,
Всѣмъ солдатамъ примѣръ,
Любилъ дѣвицу,
Любилъ красную.

Молодой офицеръ,
Дорогій кавалеръ
Ходилъ къ дѣвицѣ,
Ходилъ къ милицѣй.

Долго ль, много ль ходилъ,
Долго ль, много ль любилъ
Офицеръ свою,
Красну дѣвицу?

Но вотъ лѣто пришло ; —
Спало очень тепло ; —
Офицеръ переспалъ
Ходишь къ дѣвицѣ . .

Онъ не ходишь день , два ,
Не ведѣлю ль едва . . .
Нѣшь мѣсяць его ,
Прошло полгода .

Что поприпчилось съ нимъ ?
Не лежишь ли больнымъ ,
Ужь не умеръ ли —
Другъ красавицы ? . . .

И дѣвица пошла —
Въ городокъ изъ села ;
И идетъ одна ,
Одинехонька .

Монастырь на пуши :
Почему жь не займи ? . .

И взошла въ него —
Красна дѣвица.

И у самыхъ вѳроть ,
Все толпился народъ ;
Опускали гробъ —
Въ землю хладную. —

Но когожь въ гробъ поимъ —
Въ вѣчный узенькій домъ
Клади люди шѣ —
Съ грустью на сердцѣ ?

И дѣвица въ слезахъ ! . .
Не могла на ногахъ
Устоять ; и вдругъ —
Пала на землю.

Не ударъ громовой ,
Не вѣтръ сильный , ночной
Сбила дѣвицу : —
Смерть любезнаго ! —

Схоронили его ! . .
И она безъ него —
Съ тяжкой гореспью
Побрела домой.

И чрезъ восемь седмиць —
Толпа грусныхъ дѣвиць ,
Провожали гробъ
Красной дѣвицы.

Н Е В Ъ С Т А .

Не любить мнѣ васъ, дѣвицы,
 Молодые молодицы !
 Не прельщай мнѣ васъ собой
 И улыбкой даровой ! —
 Не выдашь мнѣ вашей ласки ,
 Не влюбляясь въ ваши глазки ;
 Не слыхашь мнѣ въ жизни сей —
 Вашихъ ласковыхъ рѣчей !

У меня ужъ есть невѣста ,
 Безъ приманки и безъ жеста ,
 И пижа , и холодна ,
 И покойна , и грустна ,
 И плачевна , и бездушна ,
 Ко всѣмъ людямъ равнодушна .
 Я ужъ съ нею обрученъ ! . . .
 И невѣстой обреченъ —

Распроспился съ бѣлымъ свѣтомъ ,
 И содѣлапья скелетомъ ,
 Сладкой пищею червей! . .
 Я живу не для людей! . .
 Для невѣсты лишь унылой,
 А зовушь ее — *могилой!*
 И я скоро , скоро съ ней ,
 Обвѣнчаюсь для червей .

Нелюбитъ мнѣ васъ , дѣвицы ,
 Молодыя молодицы ;
 Не прельщашь мнѣ васъ собой
 И улыбкой даровой !
 Не видашь мнѣ вашей ласки ,
 Не влюбляешься въ ваши глазки,
 Не слыхашь мнѣ въ жизни сей—
 Вашихъ ласковыхъ рѣчей ! —

РУЧКА.

Люблю я миленькую ручку
 Моей красавицы лобзашь ;
 И эту бѣленькую ручку ;
 Къ устамъ и къ сердцу прижимашь.

Люблю смотрѣшь на эту ручку ,
 Когда работаешь она
 Цвѣтиспымъ бисеромъ иль шелкомъ
 По бѣлымъ нитямъ полошна.

Люблю смотрѣшь , какъ эша ручка
 Вечерней тихою порой —
 Снимаетъ легкую косынку
 Съ роскошной груди молодой.

Люблю , когда такая ручка
Порою руку мою жмешь ;
Ахъ! въ тѣ прелесныя минушы
Какой-шо пламень меня жжешь !

Люблю , когда сей самой ручкой
Мнѣ позволяешся любить ;
И подь хорошенькою ручкой
Жарь чувствъ сердечный укропшь.

П О Р Т Р Е Т Ъ.

Ахъ! еслибъ я умѣлъ владѣль
 Рѣзцомъ нль кистью разноцвѣпной ;
 Тогдабъ я могъ всегда смотрѣшь
 На ликъ ея, на ликъ привѣпной.

Я бь на холстѣ изобразиль
 Ея веселую головку
 И кистью бь рѣзкой оживиль
 Свою любезную плюшовку.

Я бь рѣзко , рѣзко оппѣнилъ —
 Ея голубенькiя глазки,
 И на уста бы положиль
 Улыбку нѣжности и ласки.

Я бѣ на косички раздѣлялъ
Волнистый шелкъ кудрей волнистыхъ,
И всю бѣ любовь одушевилъ
Въ ея запаха прелестныхъ, чистыхъ.

И такъ была бѣ всегда со мной
Она моя печаль и радость ;
И упѣшала бы собой
Мою застѣнчивую младость.

И видѣли бѣ ее всегда
Мои задумчивыя очи ;
И я бѣ лѣбзаль ее тогда
Во время дня , во время ночи.

РОМАНСЪ.

Я обнимала тебя, моя душа,
 Я лобызала тебя, едва дыша,
 Я пламенѣла, когда бывала съ тобою,
 Когда своей прелещущей рукою
 Я обнимала чудесныя красы —
 И разбирала шелкъ макинькой косы:
 Я забывала въ то время всю природу
 И возглашала любви златой свободу.

Я счастлива была! и ты, и ты всегда,
 Какъ ясная вечерняя звѣзда,
 Мнѣ радостью веселой улыбалась,
 И неземной жилицею казалась:
 И въ позднѣй часъ всеобщей тишины
 При отблескѣ заспѣнчивой луны
 Какъ часто мы природой любовались
 И пылкою любовью наслаждались.

И помню я швой милый робкій взоръ
 И сладоспный пріятный разговоръ ;
 И помню я шъ очи голубыя ,
 И помню я шъ перси молодыя ,
 Которыя украдкой я видалъ ,
 . . . . .
 И помню я . . . но, ахъ ! воспоминанье
 Для сердца груснаго одно спрданье !

Но гдѣжь она , владычица моя ?
 Но гдѣжь она , красавица сія ?
 Въ какихъ мѣстахъ далекихъ обитаетъ ?
 И можешъ бышь , какъ роза опцвѣщаетъ ?
 И можешъ бышь , въ поскѣ , въ слезахъ она
 Теперь сидишь задумчиво одна
 И воспоминаешъ все , что съ нами было ,
 Что сердцу груспному пріятно , мило .

Но гдѣжь она ? гдѣ жъ милая моя ?
 Ахъ ! не далеко ошъ любезной я !
 Но грозная судьба насъ разлучила
 И жишь въ разлукѣ намъ опредѣлила

И вяну я , и вяну , какъ цвѣшокъ , —
И сохну я , и сохну , какъ пошокъ :
И скоро , скоро я совсѣмъ увяну
И сердцемъ жишь для милой пресстану.

МОГИЛА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тронищесь жертвою спраспей ,
Несчастивѣйшимъ изъ всѣхъ людей ! —

Въ одеждѣ вѣпхой и убогой , —
Усталый пушникъ шель дорогой ;
Онъ опирался на костыль ,
И копираля ногами пыль . —
Котомка съ хлѣбомъ за плечами —
Была сопупница его :
Котомка эша для него —
Послѣдній даръ подъ небесами . —
Сей пушникъ былъ старикъ сѣдой ,
Покрытый длинными власами ,
Съ широкой длинной бородой ,
И только съ правою ногой .
Тоска , ужасныя напасти ,

И разрушительныя спрасши ,
На сморщенномъ его челѣ —
Печать несчастья наложили ; —
И на проспранной сей землѣ —
Всего несчастнаго лишили. —
Казалось пущникъ не опъ лѣшь ,
А опъ мѣрскихъ различныхъ бѣдъ —
Покрылся скоро сѣдинами.
Казалось , пущникъ не годами —
Такъ тяжко былъ обремененъ ;
Но своевольными спрасшиями —
Такъ рано былъ разрушенъ онъ. —
Казалось также , что когда-то—
Онъ жилъ и пышно , и богато ,
Что онъ умѣлъ на свѣтѣ жить ,
И жизнь прѣшную цѣнить ! —
Видъ , и доселѣ благородной ,
Изображалъ , что онъ свободно —
Въ своихъ дѣянняхъ поступалъ ,
И жизнью прежде не скучалъ. —
Но , ахъ , ударилъ часъ несчастья :
И сынъ богатства , сладоспращья
Всего лишился , — и съ сумой ,

И съ удрученною душой —
 Пошелъ скипашья въ бѣломъ свѣтѣ ;
 И чesпъ , и слава , и покой —
 Разстались съ нимъ въ цвѣшущемъ лѣтѣ . —
 Онъ былъ пресшупникъ , — и злодѣй —
 Съ нечиспой совѣстью своею —
 Не смѣлъ , не смѣлъ среди людей —
 Съ лицомъ проклятыя показаться ,
 И жизнью тихой наслаждаться !
 Онъ былъ на горе обреченъ ,
 Онъ былъ отвергнутъ цѣлымъ свѣтомъ ,
 Онъ былъ поскою обремененъ ,
 И рано сдѣлался скелетомъ . —
 Изсохъ , какъ шравка опъ жаровъ , —
 Краса пипашельныхъ луговъ ! —
 Увяль , какъ роза молодая ,
 Цвѣшовъ красавица ночная . —

Шель долго бѣдный человекъ ,
 Едва косшымъ передвигая ;
 Онъ долго шель , совсѣмъ не зная ,
 Гдѣ обрѣшеть себѣ ночлегъ . —

Ужь солнце припалось за горы,
 Ужь спановилося шемно,
 Ужь пшичекъ радоспные хоры —
 Не слышны въ воздухъ давно. —
 Несчастпный проспираешъ взоры,
 И видишь въ право, въ споронъ —
 Стоящіе на вышинъ —
 Кресты, — покойниковъ уборы.
 И пупникъ ближе подошелъ,
 И онъ увидѣль, онъ нашель —
 Большое, сельское кладбище,
 Людей послѣднее жилище.
 Шарикъ съ прискорбіемъ взглянулъ —
 На прахъ людей, свонхъ собрашій;
 И шяжко, гореспно вздохнулъ. . . .
 Ахъ! онъ давно изъ ихъ объятій
 Въ объятія бѣдспвій убѣжалъ. . . .
 Онъ заживо опъ нихъ опспаль,
 Онъ заживо разспался съ міромъ,
 И въ одиочеспвѣ уныломъ —
 Онъ умеръ умеръ, для людей!
 И пупникъ въ гореспи своей,
 Совсѣмъ лишился слабой силы, —
 И палъ несчастпный близъ могилы. —

Не долго былъ спарикъ одинъ ,
 Не долго горькихъ бѣдствій сынъ —
 Лежалъ безъ чувствъ и безъ движенья —
 Въ мѣспахъ послѣдняго селенья. —
 Хладъ ночи спарца оживилъ ;
 Онъ проглянулъ , — и мѣсяць красный
 Его печально освѣшилъ ,
 Какъ призракъ страшный и опасный !
 Онъ вспалъ , — и видить предъ собою
 Могилу ; — надъ могилой шой
 Два красные креста спояли ,
 И ясно , ясно выражали ,
 Что ужъ давно они спояшъ ,
 Что ужъ давно они храняшъ —
 Двѣ жершвы смерти неизбѣжной ,
 Въ землѣ сырой , въ землѣ надежной .
 Два дуба , въшвями сплешась
 И надъ крестами наклонясь ,
 Всегда могилу осѣняли ,
 Всегда слезами орошали —
 Слезами , — свѣшлую росой ,
 И жаркой , лѣшнею порой —
 Опъ зноя солнца защищали. —

Старикъ въ молчаніи глядѣль —
 На эту спарую могилу;
 Но вдругъ , какъ смершь , онъ поблѣднѣль ,
 Сказавши : Господи помилуй !
 И вдругъ , внезапно онѣмѣль ! . .
 Спаринное воспоминанье —
 Впѣснилось въ голову къ нему ;
 И двухъ несчастныхъ жершвъ спраданье —
 Его предспавилось уму . —
 Онъ вспомнилъ : все , кинжалъ , спенанье ,
 И кровь , и смершь , и свой побѣгъ . . .
 Онъ былъ убійца , человекъ ,
 Поправшій вѣру , честь , законы , —
 Не для защиты , обороны . . . .
 Нѣшь ! онъ злодѣй , убійца ! . . . онъ
 Людьями и Богомъ осуждѣнь ! . . .
 Старикъ забылся , — и ручьями
 Упали слезы изъ очей ;
 И онъ съ холодными слезами —
 Одинъ , въ обипели пѣней —
 Спрадалъ души тоской ужасной !
 И долго , долго бы спарикъ ,
 Какъ въ полѣ камень земнородной ,
 Къ землѣ сырой еще привикъ —

Передъ могилою холодной. —
Но свѣшъ зари блеснулъ , — и мiръ
Лучами солнца освѣтился ;
Хромой спарикъ, убогiй Иръ —
Величью Бога поклонился ,
И близъ могилы поивспился.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Узнайте гибельную вѣсть :
Кинжалъ , убійство , ужась , месть !

Шла поселанка молодая ,
Шла чрезъ кладбище припѣвая —
Съ ведромъ досчатымъ за водой ,
За свѣжей , чистой , ключевой. —
Проспая ленша развѣвалась —
Въ ея кашпановой кось ;
Креспьянка милая въ красѣ
Съ самой Венерою равнялась.
Она , увидя спарика ,
Казалось , очень удивилась ,
И чрезвычайно устрашилась ,
Какъ заяць мѣпкаго спрѣлка. —
Она хопѣла удалиться ,
И подойти другимъ путемъ
Къ рѣкѣ , — чпобъ съ непустымъ ведромъ —
Домой къ родимой возвращишься ;

Но пущникъ вспаль , ее догналь ,
И подошедши къ устрашенной ,
Тихонько за руку вдругъ взяль ,
И вдругъ спросиль у ней смиренно :

Пущникъ.

Скажи мнѣ , милая , гдѣ я ? —
Въ какіе я похаль края ? —

Крестьянка.

Ты , спаричекъ , въ спранѣ покойной ,
Ты не далеко ошь села ,
Гдѣ баринъ добрый и досшойной
Хранишь ошь всякаго насъ зла !
Онъ нашъ ошець , нашъ благодѣтель ,
Онъ очень любяшь добродѣтель !
Когда ты доброй человекъ ,
То ошправляйся къ намъ въ селенье ;
Ты тамъ поѣшь , найдешь ночлеги ,
И обрѣдешь успокоенье ! —

Путникъ.

Благодарю ! теперь я сыщъ ;
 Я отдохнулъ тамъ близъ могилы ,
 И подкрѣпилъ ужъ свои силы :
 Мнѣ путь далекій предлежишь !
 Но вотъ еще одно лишь слово !

Крестьянка.

Я опивъчашъ тебѣ гошова .

Путникъ.

Скажи мнѣ , милая , чей прахъ
 Лежишь подъ стою вонъ могилой ,
 Которая о двухъ крестахъ —
 Стоитъ печально и уныло ?

Крестьянка.

Ахъ ! горько , горько вспоминать —
 О тѣхъ , которыхъ прахъ священной —

На вѣки обреченъ лежашъ —
 Въ землѣ холодной и презрѣнной! . . . .
 Тамъ горестнѣе говоришь! . . .
 Не лъзя о нихъ слезъ не пролишь ! —
 Пойдемъ съ мною на могилу ;
 Тамъ расскажу я все шебѣ.
 О ихъ дѣлахъ , о ихъ судьбѣ!
 О Боже ! души ихъ помилуй !

Они пошли , — и на правѣ
 Близъ той могилы помѣстились ;
 Выходило солнце въ поржествѣ ,
 И хоры ппичекъ пробудились :
 И все въ движеніе пришло ,
 И веселился начало .

Крестышка.

Подъ этими двумя крестами —
 Сестра и братъ погребены ;
 Они давно схоронены ,
 Давно окроплены слезами .

Бо цвѣтъ лѣтъ одинъ злодѣй —
 Сразилъ ихъ злобною рукою :
 И брата съ любимою сестрою
 Погибли рано для людей. —

Путникъ.

Но для чего жь злодѣй жестокой —
 Сестру и брата поразилъ ? —

Крестьянка.

Вотъ видишь , пухникъ : варваръ былъ —
 Женихъ Нашали черноокой ,
 Прекрасной нашей госпожи.
 Злодѣю кто-то и скажи ,
 Чшо наша барышня гуляеть
 Съ какимъ-то славнымъ молодцомъ ,
 И часто , часто награждаетъ —
 Его веселенькимъ словцомъ. —
 Ахъ ! долго ль до бѣды на свѣтъ ? . .
 Женихъ Нашали былъ ревнивъ ,
 Къ шому же золь и нечестивъ ,
 И возымѣлъ одно въ предмещѣ :

Чпобъ нашей барышня опмешпшь , —
 И вздумаль бѣдную убпшь. —
 Случилось пакъ , что злой ревнпвецъ ,
 Напальн брата не видаль ,
 И пошому его не зналь ;
 И вопъ прпѣхаль нещеспвецъ —
 Въ домъ къ нашимъ добрымъ господамъ ;
 Къ несчастью онъ увидѣль шамъ —
 Напалью вмѣстѣ съ ея братомъ ;
 Явилась ревность съ сопоспашомъ ! . . .
 Блеснулъ убійсшвенный кпжаль ,
 И братъ Напальн мерпвымъ паль .
 Она спасши хотѣла брата ,
 Но за священную любовь —
 И ей была такая жъ плата ! . . .
 Ревнпвецъ проль ея кровь ! . . .
 И съ окровавленнымъ кпжаломъ
 Изъ дома барскаго бѣжалъ ;
 И съ той поры обѣ убѣжаломъ —
 Нпкто изъ нашихъ не слыхаль. —
 Ошець , нашъ добрый , старый барпнь ,
 Какъ настоящій Хрпстіанпнь , —
 Велѣлъ несчастныя шѣла —

Похоронишь здѣсь близъ села —
 На этомъ самомъ вошь кладбищѣ;
 И основаль свое жилище —
 Въ селенъи нашемъ близъ дѣпей,
 Которыхъ поразилъ злодѣй!
 Ужь слишкомъ придцать лѣтъ могила,
 Отца любезныхъ чадъ лишила!
 Но что ты, пупникъ! что съ тобой?
 Ты вѣрно болѣнь? . . Ахъ! . . поспой. . .
 Я принесу воды холодной, —
 Изъ нашей рѣчки многоводной. —

Старикъ и пихъ и недвижимъ, —
 Лежалъ безъ чувства близъ могилы;
 Казалось, навсегда ужъ съ нимъ —
 Разспались жизненныя силы. —
 Лице и желто, и блѣдно,
 Глаза полмершвыя закрылись;
 И можешь бышь, уже давно, —
 И пульсъ, и сердце въ немъ не бились. —
 По зову дѣвы молодой —
 Пришли усердные крестьяне,

И положивши на кафтанъ —
Снесли несчастнаго домой.
Старикъ безъ чувствъ все оставался,
Знать, онъ на вѣкъ съ людьми распался!

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Не проклиняйте вы его ,
И такъ ужъ онъ лишенъ всего !—

Въ высокой дѣвичьей свѣщницѣ —
Спарикъ въ безпамятствѣ лежалъ ;
Онъ глазъ еще не открывалъ ,
Былъ недвижимъ и не дышалъ ! . . .
Надежды не было дѣвицѣ
Его отъ смерти возвратишь ;
Знать , больше пупнику не жить ! . . . .
Но наконецъ вздохнулъ несчастной ,
Вздохнулъ еще , открылъ глаза ,
И сдѣлалъ видъ такой ужасной ,
Какъ ночью страшная гроза !
Запрепешала молодая
Крестьянка , съ ужасомъ внимая,
Словами ужаснымъ шарика :

„ Ты здѣсь , пы здѣсь ! швол рука
 „ Меня со спрахомъ ошвергаешь . . .
 „ Такъ казнь злодѣя ожидаетъ !
 „ Ахъ ! какъ ужасень мой конецъ ! . .
 „ Се казнь швоя на мнѣ , Творецъ ! . .
 „ Рази меня . . о Боже , Боже !
 „ Я самъ разиль , разиль . . кого же ? . .
 „ Любовь , невинность , чистоту
 „ И неземную красоту !
 „ Рази меня ! . - нѣшь , нѣшь ! . . помилуй !
 „ И дай , какъ всѣмъ , сойди въ могилу ;
 „ Но пы , о пѣнь ! опять со мной . . .
 „ Возми меня , возми , я швой ! . .
 „ Рази меня , губи злодѣя ! . .
 „ Терзай и мучь , не сожалья , . .
 „ Я виноватъ , я преспунилъ —
 „ Я человѣчество забылъ . . . .
 „ О ! Боже , Боже ! не ужеля — .
 „ Злодѣи кающься не смѣли ? . . .“

Такъ въ изступленіи кричалъ —
 Старикъ судьбою пораженный ;

И самъ собою раздраженный ,
 Руками дряхлыми спучаль . —
 Когда жъ душевныя перзанья —
 Смягчили недугъ спарика ; —
 Съ его больнаго языка —
 Слетѣли пихія желанья ;
 Спарикъ крестьянку подозваль ,
 И пихо , пихо ей сказалъ :

Путникъ. (умирающимъ голосомъ).

Поди , скажи ты господину ,
 Что пушникъ сирой и больной ,
 Вспрѣчая жизни сей кончину ,
 И оставляя пущь земной , —
 Въ послѣдній разъ узрѣшь желаешь —
 Его для дѣла одного ;
 Скажи , что пушникъ умоляетъ
 О посъщеніи его . —

Крестьянка.

Усни-ка лучше , успокойся ! —
 Попомъ во всемъ ты мнѣ откройся . —

Путникъ.

Иди , прошу тебя , иди ,
 И господина приведи !
 Ужъ близокъ часъ моей кончины ! . .
 Быть можешь , завтра уже мнѣ —
 Не видѣшь прелестей долины —
 Въ благословенной сей спранъ ? . . .
 Быть можешь . . . но спѣши , спѣши же ,
 И приведи ко мнѣ поближе
 Того , которъй . . . . .

Онъ умолкъ ,
 И слезъ блистающихъ пошокъ —
 Изъ глазъ увядшихъ успремился ;
 Онъ три раза перекрестился
 И началъ тихо отходить . . .
 Уша его еще жопѣли ,
 Какъ будто что-то говоритъ ,
 Но вдругъ закрылись , онѣмѣли . . .
 Онъ тише , тише все дышалъ ,
 Слабѣй , слабѣй все сердце билось . . .

Его духъ къ небу воспарялъ :
И *назнатеніе* свершилось ! . . .

Креспьянки не было давно —
Въ ея дѣвической свѣплицѣ ! . . . .
Ахъ ! спрашно было сей дѣвицѣ
Быть съ умирающимъ одной ! . .
Она ушла , — и поспѣшила
На барской дворъ и возвѣспила
О близкой смерти спарика ;
И добродѣтели рука —
Всегда для помощи гопова ,
Безъ просьбъ , безъ плача и безъ зова. —
Помѣщикъ добрый все узналъ ! . . .
И глазъ свяшаго соспраданья , —
Пусть господину указаль —
Къ мѣстамъ болѣзни и спраданья ! . . .

И скоро добрый человекъ —
Достигъ дѣвической свѣплицы ,
Гдѣ незнакомецъ кончилъ вѣкъ —
Ужасной смершію убійцы ! . . .
И всѣ къ несчастному вошли ,

И всё увидѣли прупъ хладной, —
 Съ улыбкой дикой, безошрадной. . .
 И шихо къ прупу подошли ;
 Но что жь увидѣли ? . . несчастной
 Держаль какой-шо медальонъ ;
 Онъ былъ искусно прикрѣплёнъ
 Къ цѣпочкѣ шелковой прекрасной ! . .
 Казалось, спранный сей спарикъ —
 На медальонъ смошрѣшь привыкъ. —
 Онъ крѣпко сжалъ его руками ,
 И крѣпко съ хладными устами
 Свой медальонъ соединилъ ! . .
 Ахъ ! лучше бь ты, спарикъ, разбилъ —
 Свой медальонъ для всѣхъ ужасной !
 Ты медальономъ поразилъ —
 Опца Напаліи прекрасной ! —
 О медальонъ , о медальонъ ! —
 Опець тобою поражёнъ ! —
 Опець узналъ черпы прелестной —
 Своей Напаліи любезной !
 Но кто же былъ спарикъ чудесной ? . .
 Опець ни слова не сказалъ . . .
 Онъ все въ покойникъ узналъ ,
 И хладный прупъ не проклиналъ ! . . . .

Быль бурный вечеръ. Въ чистомъ полѣ
 Взыгралась страшная гроза ;
 Ошь въпра скромная лоза
 Къ землѣ клонилась по неволѣ. —
 Вдали гремѣль ужасный громъ ,
 И въ небѣ молніи блиспали ;
 И въ семь смяшеніи ночью —
 Кого-то въ церкви опшѣвали ,
 И въ гробѣ бѣдномъ и просномъ —
 Къ кладбищу шѣло провождали. —
 И опустили гробъ просной —
 Въ сырую , жладную могилу ;
 И всѣ , опсправившись домой ,
 Сказали : Господи помилуй !
 Вопшь лучшая изъ всѣхъ награда ! . . . .
 Такъ добродѣтель схоронила
 Убийцу милыхъ своихъ чада ,
 Которому не спрашенъ адъ ,
 Но убиенныхъ имъ могила !

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

не доконченной Поэмы.

I.

Въ Кремль стоишь высокій домъ
Съ красивой крышей , перемами ,
Онъ споришь пышностью съ Дворцомъ ,
Онъ обнесенъ кругомъ садами.
Къ концу широкаго двора
Стояшь анбары , кладовья
Въ нихъ много хлѣба , серебра
Въ нихъ камни и парчи цѣшныя ;
Запасья , цѣпи золотыя ,
Собольи шапки съ жемчугомъ
Храняшся спрого подъ замкомъ.
Заглянемъ въ пышные покои ;
Обширныхъ храминъ длинный рядъ

Въ нихъ злапопкантые обои ,
 И скамьи по спѣнамъ стояшь :
 На сводахъ крашеныхъ висяшь
 Фигуры изъ серебра липыя
 Зяби , павлины золотые
 И въ нихъ подсвѣчники блестяшь
 И свѣчи видны восковыя.
 Чей эпомъ пышный славный домъ
 Который спорить со Дворцомъ
 Царя Феодора младова ?
 Домъ честолюбца Годунова.

II.

Сановникъ первый при царь ,
 Осыпанъ щаснїя дарами
 Борись при Княжескомъ дворѣ
 Сїяль какъ солнце межъ звѣздамъ.
 Ему въ удѣль : и пылкїй умъ
 И дѣйствовать умомъ свобода ;
 Намѣстникъ свѣтлый царскихъ думъ ,

Кумирь Царя , кумирь народа ,
 Чего онъ не достигъ ? Всего.
 Чего не могъ онъ ? Одного :
 Быть добрымъ . . . .

III.

Въ мракъ пикой ночи
 Свѣтила тусклая луна.
 Склонясь челою , пошупя очи
 Какой средалець у окна
 Стоишь съ поскливою заботой
 Какъ будшо ждёшь къ себѣ когò то . . .
 Взоръ быспрый пасмурень , суровъ , ? . . .
 То самъ надменный Годуновъ
 Въ своихъ вельможескихъ палашахъ
 Блещащихъ ошь сребра и злапа.
 Онъ то походитъ , пошопишь ,
 То взоры въ даль свои впередишь
 Но пьма кругомъ. Предъ нимъ горить
 Съ сіаньемъ луннымъ свѣтъ сливал
 Въ углу лампада у иконъ ,

Гдѣ видна Дѣва Пресвятая ;
 Спасишель златомъ обложѣнь ,
 Ликъ чудотворца Николая ,
 Соборъ Безплошныхъ. Всѣ блиспая
 Въ каменьяхъ , златѣ , жемчугахъ
 Они какъ будшо гнѣвъ въ очахъ
 Являли. Бурно воздыхая
 И чѣмъ по стягоспнымъ помимъ
 Борись подходишь робко къ нимъ
 И гасишь свѣсплую лампаду. . . .
 Ему какъ будшо тѣма въ отраду ,
 Онъ лика Божьяго бѣжишь —
 О! что душа его павишь ?
 Съ какой преспуною мечшою ,
 Какъ звѣрь онъ прачешся подъ тѣмою ?
 Но тѣма его не защишишь ,
 И тамъ надъ звѣздами — высоко ,
 Тамъ еспъ недремлющее Око ,
 Для коего и ночи тѣнь
 Свѣспла какъ ясный Майскій день.
 Но чу! ... Вошь кто шо входпишь въ сѣни ;
 Вошь ближе , ближе. . . и къ лунѣ
 Огромныя чешыре тѣни

Нарисовались на стѣнѣ.
 Забилось сердце у Бориса ,
 Сильный души его гроза ,
 И какъ два факела зажглися
 Его кровавые глаза.

IV.

Пришли ль они ? . . спросилъ Намѣстникъ.
 „ Пришли. “ отвѣтъ ему рабовъ.
 И выступилъ впередъ Кудесникъ
 Въ сопровожденнн прехъ Волхвовъ.
 Кудесникъ былъ высокъ , здоровъ ,
 Съ курчавой , черной бородою ,
 Онъ подпирался булавою ,
 Власы на головѣ горой,
 Одѣтъ весь въ черномъ и босой
 Онъ смугль лицомъ , и взоръ не робкой
 Ему природой знойной данъ
 Въ плечахъ широкъ и взрачный спанъ.
 Перепоясанный веревкой ,

За нею зашкнущъ длинный ножъ
И за плечыи сума изъ кожь ;
Въ ней корни , шравы чарованья
И всѣ припасы волхвованья.
Волхвы пришедшіе за нимъ
Казалось управлялись имъ.
Введя Волховъ рабы съ смиреньемъ
Всѣ удалились тихо прочь.
Я долго ждалъ васъ эшу ночь
Сказалъ Борисъ души съ смятеньемъ
Склонивши блѣдное чело —
Что принесли ? добро иль зло ?
О ! молвите радостное слово !
Что ваши чары говорятъ ,
Бѣды , иль щастье мнѣ сулятъ ,
Свѣсплалъ планета Годунова ,
Взойдешъ ли щаспія заря
Откроется ль дорога къ прону ,
Схватчу ли скипетръ я Царя
И Мономахову корону ? . . . .
Но вы молчите ? . . . Вы безъ словъ ,
Бышь можешъ спражъ языкъ вашъ вяжешъ ?
Не бойшесь ! мечъ мой не накажешъ

Судьбы таинственной пословъ.
 Отвѣща жду. . . . „О Годуновъ !
 О свѣпмый Царскихъ думъ намѣспникъ ,
 Ему отвѣспвоваль Кудесникъ
 Челомъ склоняясь до земли
 Се гласъ судебъ оспъ насъ внемли ;
 Тебѣ пущи опверспшы къ спрону
 И всходишь счаспїя заря ,
 Получишь скипетръ шы Царя
 Надѣнешь на главу корону ,
 Но. . . . Дальше насъ не вопрошай ,
 Судьбы покровъ не подымай. . . .
 — О нѣспъ ! вскричаль Борисъ съ веспоргомъ ,
 Живымъ васъ заклинаю Богомъ !
 Повѣдайше мнѣ все Волхвы ,
 Осыплю съ ногъ до головы
 Васъ кучами сребра и злата !
 Полцарспва вамъ спгда заплаша !
 Окончите. . . . „шы самъ желаль ,
 Внимай же — Волхвъ ему сказаль
 По тайному судебъ закону
 Царемъ шы будешь на земли —
 Такъ наши чары изрекли —

Семь полько лѣтъ....“—, О! дай корону,
 Судьба , хоть полько на семь дней !
 Дай подержашь рукѣ моей
 Желанный скипсръ Россіи славной
 Хоть семь часовъ , хоть мигъ одинъ ,
 Вскричалъ Борисъ полудержавный :
 Я бѣ былъ Россіи властелинъ ,
 Передо мной во прахъ бы пали
 Всѣ сильные цари земли ,
 Всѣ бѣ низпровергъ!! Межь шѣмъ вдали
 Капился громъ ; порой сверкали
 Молніеносные огни ,
 Всѣ ближе , ближе... вдругъ они ,
 Сліясь съ громовымъ сильнымъ шрескомъ ,
 Всю храмину кровавымъ блескомъ
 Одѣли. Въ спрахѣ ницъ челомъ
 Волхвы просперлись предъ Творцемъ. . .
 Одинъ , до спраху недоступный,
 Одинъ Борисъ съ мечшой преступной
 Въ срединѣ храмины споялъ :
 Громъ честполубда не пугаль !

V.

Волхвы ушли. Вось ночь проходишь.
Но чесполубцу ль вѣдашь сонъ ?
Борись не спишь. Все въ мысляхъ бродишь
Корона царская и провъ.
Гроза прошла. Воспокъ, алѣя,
Слѣпиль сїяніемъ глаза.
Все свѣшло, лишь въ душѣ злодѣя
Бушуетъ мрачная гроза.
Такой поскою не помился
Еще доселѣ злый Борись :
Теперь весь адъ въ душѣ вселился
И змѣи въ грудь его впицѣсь.
Онъ прежде самъ себя шался ,
Чего хотѣлъ , поняшь спрашился ;
Теперь сомнѣнье рѣшено ;
Опнынь мечпаніе одно :
Корона! Ей душевный голодъ
Онъ только можешь уполишь.
Феодоръ Царь лѣшами молодъ ,
Но онъ не можешь долго житьъ :
Давно недугъ въ немъ злой примѣпень ,

Такъ мыслишь самъ съ собой Борисъ: —
 Онъ кончишь жизнь свою бездѣшнъ ;
 Кѣмъ царству Русскому пасишь ?
 Я къ трону близокъ свѣшлымъ родомъ
 Любимъ царемъ , любимъ народомъ ,
 Богатъ общественной казной —
 И кто же спанешъ между мной
 И межъ послѣднимъ вѣнценосцемъ ?
 Нѣтъ ! не родился пошъ подъ солнцемъ ,
 Кто бъ скипшрь восхипишь у меня !
 О ! скоро ль доживу до дня ,
 Когда счастливою десницей
 Взложу корону на главу ,
 Одѣнусь царской багрянницей ,
 Возму въ владычество Москву ?
 Когда исполнися желанье ,
 Безъ коего не красенъ свѣшъ , —
 Любимое души мечпанье
 Почти опъ колыбельныхъ лѣшъ ?
 Я помню мгъ , когда впервые
 Увидѣлъ пышный нашъ дворецъ ,
 Сступени трона золотые ,
 Скипшрь Царскій , бармы и вѣнецъ ,

И багряницу Самодержца ,
 О, какъ во мнѣ забилося сердце !
 Я взоры къ прону приковала ,
 Я поблѣднѣла , я задрожала ,
 Невольно руки устремились ,
 Какъ бы желая осязашь
 Предметы , кои сердцу снились
 Дополь въ мечтахъ моихъ . Какъ знашь ,
 Что шакъ мой духъ тогда шомило , —
 И не предчувствіе ль то было ?
 Какъ въ юношѣ взбушуешь кровь ,
 Когда ему взоръ дѣвы спрашной ,
 Томяся нѣгой сладоспрашной
 Сулишь счастливую любовь :
 Такъ и въ моей груди заглися
 Желанья бурнаго огни ,
 Струей палящей разлися
 И жгутъ досель меня они
 Съ шѣхъ поръ , какъ очи на корону
 Неосторожно я возвелъ ,
 И къ обольщительному прону
 На грѣхъ мой близко подошелъ !!!
 Очаровательное мѣсто !

За чѣмъ увидѣлъ я себя?
 Не такъ женихъ своей невѣстой
 Любуешься, какъ помню, я
 Прекраснымъ прономъ любовался!
 Я, какъ ребенокъ, восхищался
 И видомъ бархатовъ цвѣстныхъ,
 И блескомъ кистей золотыхъ,
 И разноцвѣтными коврами,
 Подушкой, щипой жемчугами,
 И словомъ: всѣмъ, что видѣлъ я!
 Шепсаль мнѣ кшо-шо внутрь меня:
 Какъ весело на этомъ пронѣ
 Сидѣшь въ блискающей коронѣ,
 Ковры ногами попираешь,
 Кистями свѣплыми играешь!
 И какъ все пышно здѣсь, богашо,
 Вездѣ алмазь, жемчугъ и злато
 Блещашъ, какъ бы къ себѣ маня! —
 И въ жаръ бросало вдругъ меня:
 Я задушаль сердечны споны
 И глазъ не могъ свесни съ короны!!!

. . . . .
 . . . . .

VI.

Чего не сдѣлаешь злодѣй ,
 Томимый жаждою спрашей ?
 На что преступный не рѣшился ?
 Такъ и сбылось. Тамъ вдалекѣ
 Свяшая кровь ручьемъ спруишся ,
 Царица мать въ слезахъ , поскѣ...
 Клевреты хипраго злодѣя ,
 Ножемъ подкупленнымъ владѣя ,
 Царя младенца извели
 На казнь родной своей земли.
 Феодоръ Царь , давно недужный,
 Докончили планъ , Борису нужный :
 (Непоспѣжимъ судьбъ законъ!)
 Опцемъ безчаднымъ умеръ онъ,
 Осиротѣлая корона
 Лежитъ печально подлѣ прона. . . .
 Кшо дерзновенною спопой
 Взойдешъ на Русскій пронъ пуспой ,
 Для всѣхъ высокій , недоспунный ? —
 Вина всѣхъ золь , Борисъ преступный:
 Онъ Царь ! — Желанная мечша

Сбылась шеперь. Прошлецъ державный
 Восхитилъ скиптръ Россіи славной.
 Но если совѣсть не чиста;
 То не закушайся злодѣю
 Портирой свѣпшою своею
 Опъ взоровъ испинны святой!
 Напрасно будешь въ шмѣ ночной
 Искать себѣ успокоенья —
 Ночь для преспуниковъ — мученье.
 Малѣйшій шорожъ, вѣшерокъ,
 Имъ шепчеть : часъ вашъ не далекъ.]
 Опкроюшся ль случайно очи
 Взглянушь на звѣздный сводъ полночи? —
 Укорный взглядъ во всѣхъ звѣздахъ
 И кровь горитъ на ихъ лучахъ,
 Опъ эпой крови въ членахъ препеть,
 Въ устахъ моливъ невольный лепеть. . . .
 Взойдетъ ли свѣшная луна?
 И изъ нее, какъ изъ окна,
 Надъ мрачной спящею землею
 За занавѣской огневою
 Все кто по смопришь и грозитъ;
 И кровь убійцы леденишь.

А что же днѣмъ ? О верхъ мученій !
 Напрасно вѣшперокъ весенній
 Ласкаешь Годунова грудь :
 Бойтся радостно вздохнушь
 Злодѣй и воздухомъ прохладнымъ ,
 Для всѣхъ живишельнымъ, опраднымъ . .
 Напрасно въ зелени садовъ
 Раскинулась краса цвѣшовъ
 И гости Мая молодые
 Свои покровы расписные
 Съ себя спыдливо совлекли ,
 Роскошно къ лисьямъ прилегли,
 Согрѣшы солнечнымъ сяньемъ ,
 Дыша своимъ благоуханьемъ : —
 Прескупникъ чуждъ красотъ земныхъ ,
 Онъ запахъ крови слышитъ въ нихъ ;
 Ему ли знашь очарованье ?
 Вопще и солнышко блеститъ ,
 Лучами землю золопитъ :
 Они прескупника сжигаютъ ,
 Они въ немъ сердце изсушаютъ .
 О , скройся , свѣтъ , скорѣй , дневной ,
 Ты мой предашель роковой ,

Онъ шепчетъ дико и невнятно :
 Теперь на мнѣ увидяшь пятна
 Той крови , кою я пролилъ ,
 Которой жизнь я отправилъ ,
 Чтوبъ проложитъ дорогу къ прону ;
 Надвину тяжкую корону
 На блѣдное мое чело ,
 На немъ проклятіе легло ,
 Боюсь — прочтешь его ошчина
 И скажешь съ горькой укоризной :
 За чѣмъ Димитрія убилъ ?
 За чѣмъ Царя ты насъ лишилъ ?
 Долой съ похищеннаго проха ,
 Внець тебѣ не оборона ,
 И въ немъ не яхонты горяшь ,
 А пятна красныя блестяшь ,
 Съ нихъ каплетъ кровь . . . чья кровь ? о Боже ! ..
 И съ дикимъ воплемъ онъ на ложе
 Въ спраданьяхъ тяжкихъ упалъ ,
 Какъ древній Каинъ трепеталъ .

VII.

Рѣскошно , гордо разцвѣшая
Прекраснѣй роза всѣхъ цвѣшовъ ,
Она слывешъ царицей Мая
И почно , въ зелени садовъ
Благоуханье разливая ,
Полна , какъ сердце ошъ любви ,
Прелестна , какъ улыбка милой ,
Когда огонь неизьясиимой
Прольешся въ дѣвственнѣй крови.
Кого прекрасная — собою
Не очаруешъ , не плѣнишь ,
Какой цвѣшокъ своей красою
Она въ природѣ не зашмишь ?
Такъ роза ешъ царица Мая !
Но часто милый цвѣшь срываая ,
И встрѣшая множество шиповъ ,
Тихонько шепчущъ въздыжая :
Прекрасна роза изъ цвѣшовъ ;
Но жаль , нѣшь розы безъ шиповъ !
Въ глуши лѣсной , въ шѣни безвѣшмой

Роспешъ голубенькой цвѣшкѣ ,
 Ему названье василекъ :
 Сравнился ль съ розой онъ прелестной ?
 Никакъ. Но нѣтъ на немъ шипковъ —
 За то изъ милыхъ васильковъ
 Паспушка часно молодая
 Плешетъ вѣнокъ для паспушка ,
 И знаетъ швердо , ихъ срывая ,
 Что не уколешся рука.
 Ужели же царица Мая
 Прекраснѣй скромнаго цвѣшка ? . . .

VIII.

Мила, какъ василекъ пустынный ,
 Распуцѣй скромно въ мракѣ роцъ ,
 Блиспала прелестью невинной
 Младая Годунова дочь .
 Съ величьемъ свѣща незнакома ,
 Она , какъ рѣзвое дишя ,
 Въ сѣни опеческаго дома
 Съ упра до вечера шушя ,

Свой дѣтскій возрастъ пробѣгала
 И лишь въ семнадцать лѣтъ узнала,
 Что ей, взлелѣянной опцемъ,
 Владѣть назначено вѣнцемъ,
 И вошь изъ перема роднаго
 Ведушь царевну во дворець. . . .
 Играмъ младенческимъ конецъ,
 Конецъ и счастья молодого!
 Къ чему ей пышный сей нарядъ?
 На что жемчужны ожерелья?
 Для Ксеніи не замѣняшь
 Они невиннаго веселья,
 Когда въ кругу своихъ подругъ,
 Она — игривая — бывало
 На ближній аромашный лугъ
 Въ безпечной радости бѣжала,
 Рвала весенніе цвѣпки,
 Видала красивые вѣнки
 И на головку надѣвала!
 Теперь играмъ на вѣкъ конецъ,
 И не вѣнокъ ужъ, а вѣнецъ
 Судьба ей на чело послала.
 И измѣнился дѣвы нравъ

Какой-то силою чудесной, —
На ложе пышное припавъ,
Томима грустію безвѣстной,
И въ безотчетливой поскѣ
Она все что-то вдалекѣ
Какъ будто видишь, но неясно,
И это *то то* такъ прекрасно,
Оспрадно, мило и свѣшло,
И сердцу отъ него тепло. . . .
Есть время — кто его не знаетъ?
То лучшей нашей жизни цвѣтъ,
И имъ лишь красенъ Божій свѣтъ,
Когда въ насъ сердце начинаетъ
Свои біенья ускорять
И кровь быспрѣе прогонять,
Чѣмъ прежде. Время золотое!
За чѣмъ ты въ жизни только разъ
Госпишь — и покидаешь насъ?
За чѣмъ ты счастье молодое
Съ его волшебною мечтой
Уносишь навѣкъ за собой?

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стран.

П Р О З А.

Мешеорь.	1
Чудной старикъ.	6
Золотая цѣпочка.	17
Димитрій, Грозныя очи.	40
Окопачка.	88
Основаніе Москвы.	90

П О Э З И Я.

Къ ней.	5
Грусть , дщерь любви.	6
И слѣдъ проспыль.	9
Два брата.	12

II

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стран.</i>
Романсъ	15
Невѣста	19
Ручка	21
Портретъ	23
Романсъ	25
Могила	28
Отрывокъ изъ недоконченной Поэмы.	50

